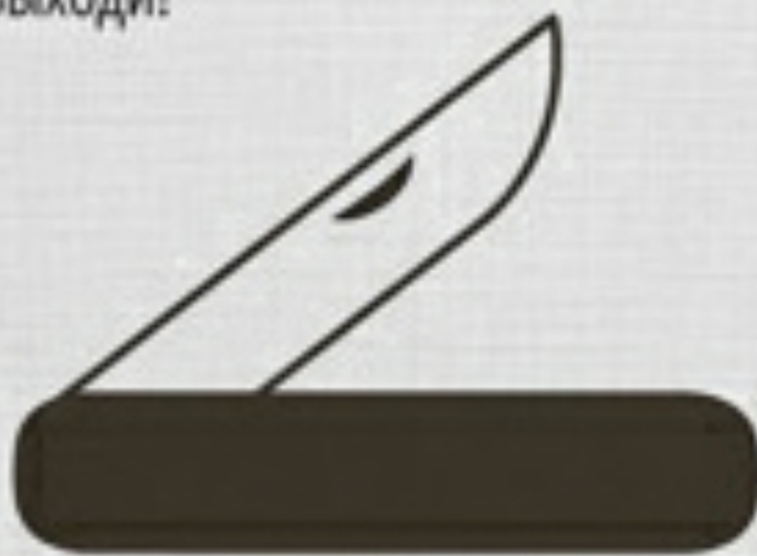

Роман Эинзер
Марк, выходи!

16+

Длинный список 2020-го года Премии «Электронная буква»

Роман Зинзер
Марк, выходи!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Зинзер Р.

Марк, выходи! / Р. Зинзер — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Длинный список 2020-го года Премии «Электронная
буква»)

«Рогатки к каждой битве с «Мадридом» мы делаем новые. Сделать хорошую рогатку – это очень важная штука. Сначала надо решить, какую ты хочешь рогатку – каменку или шпонку. Каменка, ясное дело, стреляет камнями, и делать ее сложно. Для каменки надо найти хорошую рогатину на молодой и прочной ветке, спилить ее или отрезать. Ломать ветку нельзя: тогда она пойдет трещинами и может сломаться, если натянуть ее слишком сильно. Дальше нужно прорезать на каждом пальце рогатки желоб и туда примотать по куску жгута. С хорошим жгутом у пацанов всегда были проблемы. Годился лишь тот, что продавался в аптеке, но стоил он дорого. Те пацаны, у которых были машины в семье, таскали жгуты из автомобильных аптечек. Некоторые пацаны пытались приделать на рогатку резинку от трусов, но она была слишком мягкая и хорошего выстрела не давала...» «Марк, выходи!» — роман о войне между дворами маленького российского города, о дружбе и жестокости мира подростков глазами одиннадцатилетнего Марка.

– Эй, сивый, иди сюда! – Костян крикнул так, что вороны повзлетали с деревьев.

Мы сидели вчетвером в деревянном домике в нашем дворе. Домик этот строили для детей, чтобы они играли там, но у нас он был всегда занят пацанами постарше. Тут можно было покурить и поесть. Сейчас мы играли тут в карты. Таких домиков в нашем дворе было четыре.

Мимо через весь наш двор наискосок шел какой-то парень. Мы его ни разу не видели, он был не из наших. На крик Костяна парень не обратил никакого внимания и продолжал топтать дальше. В руке у него был тяжелый пакет.

– Эй, чмошник, пойди сюда, – сипло, но очень громко проорал Костян.

На этот раз парень его услышал и повернулся.

– Пойди, пойди, – добавил Костян. – Покурим.

Парень закрутил головой, переложил пакет из одной руки в другую и решил подойти. Зря. Если бы сразу побежал, то и проблем бы не знал. Никто из пацанов за ним бы не погнался: слишком жарко было на улице.

Сам пацан с пакетом дурачком забитым не выглядел, очков не носил. На вид ему было лет тринадцать.

– Ты кто вообще? – спросил Костик. – Откуда?

– Да вот из магазина иду, – пацан кивнул на свой пакет.

– Ты новый, что ли? Я тебя тут не видел раньше, – Костян докурил свою сигарету, выбросил ее и хорошенько откашлялся.

– Я на лето. К бабушке.

– Сюда? В наш двор?

– Нет. Дальше еще на два двора. Там, где банк в доме.

– А зачем тогда через наш двор прешься?

– Да я просто из магазина... Ближе так.

Костян выпрыгнул из домика, сплюнул и затушил ногой свой бычок. Остальные пацаны – я, Таксист и Рома – остались внутри.

– Сядь-ка, – сказал Костян чужаку.

Сам он сел на корточки и пальцем показал пацану из другого двора, где ему надо сесть:

– Короче. Этот двор наш, и всякая шняга через него не ходит. Ты понял?

Костик на корточках сидел очень легко. Я знал, что он так может сидеть долго. Меня же в такой позе всегда шатало из стороны в сторону. Корточки не для меня. Да и родки мои говорят, что от такого сидения кишка вылезет. Пусть Костян сидит, а я не буду.

– Почему? – спросил парень.

Ну точно, пацан был новеньким. Давно уже никто не спрашивал Костика, почему нельзя просто так чужакам ходить через наш двор.

– По кочану, балбес, – Костян опять гаркнул так, что только-только усевшиеся вороны снова взлетели. – Ты откуда приехал такой?

Парень съежился, немного дрожал, но не трусил.

– Из Москвы, – ответил он.

– Ха! Слышь, Таксист, из Москвы он. Давно мы столицу не рихтовали.

Таксист кивнул. Таксист всегда кивал и говорил очень редко. Он был старше Костика на год, выше его на голову и всегда ему поддакивал. Таксист был шнырем, шестеркой Костяна. Все это знали. Как на самом деле звали Таксиста, никто из местных пацанов не помнил.

– Что у тебя там? Давай сюда, – это уже спросил Рома, брат Костяна. Роме было тринадцать лет, а Костяну – четырнадцать или пятнадцать.

Рома вылез из домика, ткнул пальцем в пакет в руках чужака и приказал его передать.

– Давай, давай, – подбодрил он мнущегося парнишку. Тот протянул пакет Роме.

В пакете были: двухлитровая бутылка кока-колы, четыре стаканчика мороженого за рубль сорок и целлофановый пакет с десятком яиц. Яйца почему-то были не в коробке, а в пакете.

– Так, это мы заберем, – сказал Костик и передал Таксисту бутылку и морожки.

– Дай Маркуше одну морожку, а то сидит чего-то грустный, – сказал брату Рома.

– Но это мое мороженое! – завопил парень-чужак и протянул руки к своему пакету.

– Рот закрой! – рявкнул Рома.

У него пока не получалось орать так же страшно, как это делал его брат Костик, но чужаку и этого хватило. Чужак замолчал.

Таксист протянул мне стаканчик мороженого из пакета чужака. Я взял, отклеил бумажку и начал есть. Чужака мне было жалко, но ведь он сам поперся через наш двор. Никто его не звал. А таких Костян просто так не отпускает. Поэтому я помолчу и буду есть эту морожку. Рома тоже взял стаканчик, погрел его в руках и начал грызть.

Да, кстати, меня зовут Марк, но во дворе все меня называют Маркуша, потому что я – Марк и у меня торчат уши. Сначала мне это все очень не нравилось, и пару раз я даже подрался с дворовой мелкотой, которая и запустила эту кличку, но потом я смирился. Да и кличка уже успела прижиться у старших. А с ними не подерешься: мигом зубы посчитают. Тот же Костик или Рома. Поэтому теперь я для всех Маркуша. И для старшаков, и для мелких. Я привык.

Костик встал с корточек и пошел в сторону детской песочницы. Она была тут же, рядом с деревянным домиком, где мы сидели и играли в карты до появления чужака.

– Короче, мы вот что сейчас сделаем, – сказал он и зачерпнул пригоршню песка, – чтоб всякая шняга по нашему двору не мотала.

Костян подошел к пацану и толкнул его свободной рукой. Пацан плюхнулся на свой зад. На чужаке были летние светлые шорты и какая-то футболка, тоже светлая.

– Подержите, – сказал Костик Роме и Таксисту.

Оба они поставили на домик недоеденные стаканчики с мороженым, зашли чужаку за спину и вывернули ему руки. Чужак попробовал брыкнуться, но Таксист и Рома держали крепко.

– Раз ты ходишь через наш двор без спроса, значит, будешь жрать песок, – сказал Костик и размазал пригоршню песка по лицу пацана.

Недавно прошел дождь, песок в песочнице был еще влажным и очень хорошо прилип к лицу пацана. Таксист и Рома ухмыльнулись.

– Маркуша, достань пару яиц, – сказал мне Костик.

Я разорвал целлофан и протянул Костяну два яйца. Тот отряхнул от песка руку, взял яйца и с размаха стукнул ими о голову чужака. Яйца треснули. Костик осторожно, стараясь ничего не пролить на землю, начал размазывать яйца по лицу пацана. Яйца смешались с песком и скорлупой, и получилась как будто маска. Пацан все это время рычал и брыкался, но Таксист и Рома слабину не давали, а пинаться ногами ему было совсем неудобно. Еще бы! Попробуй кого-нибудь пнуть, когда тебя посадили на задницу.

На лице у парня появилась кровь. Видимо, скорлупой Костик что-то слегка расцарапал.

– Ладно, гони теперь отсюда и больше не показывайся. Понял?

Парень перестал брыкаться и начал всхлипывать. Он долго держался: обычно чужаки во время разговора с Костиком начинали пускать нюни намного раньше. Его отпустили, толкнули и пнули под зад. Пацан встал и медленно пошел из двора. Он пытался вытереть лицо своей светлой футболкой, но только сильнее все размазал.

– Яйца-то заberi, чучело! – крикнул ему вдогонку Рома, но пацан даже не обернулся.

– Быстро учится, – сказал Костик, еще раз отряхнул руки и сделал хороший большой глоток из трофейной бутылки кока-колы.

– Нормально ты его, Костян, – сказал Таксист.

Я уже говорил, что Таксист открывал свою «варежку» редко и только для того, чтобы подмазаться к Костику. Во дворе его никто не любил. Даже Костик, которого Таксист чуть ли не целовал в зад, Таксиста не любил. Таксист был долговязый, сильно прыщавый и очень глупый. Но он был очень верен Костику. Костик это ценил.

Все четверо: Костян, Рома, Таксист и я – вернулись в деревянный детский домик и сели опять играть в карты. В дурака. Раздавал Рома. Было не то чтобы раннее утро, но никого, кроме нас, во дворе еще не было. Все мои друзья спали в своих кроватях. Мне же почему-то сегодня не спалось. Я вышел погулять, никого из своих не нашел, и поэтому пришлось играть в карты со старшими. Они сами меня позвали.

– Марик, домой! – голос моей мамы пролетел по всему двору.

У нас, как ни крикни, громко или тихо, все равно было везде слышно: наш двор – это три дома, которые стояли как буква П. Между домами – сквер с деревянными домиками и лавками. Как раз тут мы сейчас и сидели. Четвертого дома, чтобы из П получился квадрат, у нашего двора не было. На его месте проходила дорога, а за ней начинался другой двор – «Мадрид».

Мама всегда меня так звала. Открывала окно в зале и кричала: «Марик, домой!». Сегодня была суббота, поэтому мама была дома, а не на работе. Обычно-то ни утром, ни днем никто за мной из окон не следил.

Мы жили на третьем этаже большой четырехэтажки. Наш дом был старый: с высокими потолками, большими комнатами и деревянными полами, которые очень скрипели.

– О, Маркушку зовут, – сказал Рома. Он лыбился во все лицо: ему явно пришла куча козырей с раздачи.

– Пойду, – сказал я.

– Толай, малыш, – ответил Костик, – а то маман вон волнуется.

Я положил карты поверх колоды, встал и пошел домой. Обычно я злился, когда меня мама звала домой. Никакой я уже не малыш, чтобы меня так можно было звать, тем более перед старшими пацанами. Но сегодня я даже обрадовался этому маминому крику из окна: сидеть и играть в карты со старшаками, тем более такими, как отморозки Костик, Рома и Таксист, мне совсем-совсем не хотелось. Мы, конечно, из одного двора, но редко друг с другом вот прямо гуляем вместе. Хотя, ясен пень, если ты – «малыш» и тебя старшие позвали играть в карты в домике, то как ты им откажешь?

С Костиком и его пацанами никогда не знаешь, получишь ты в этот раз по зубам или нет. От настроения все зависит. Вон незнакомому пацану как попало: полдня теперь отмываться от песка будет. Хотя это еще ничего: умоется, царапины смажет и дальше побежит. А иногда Костик чужаков придушивал до потери сознания. Я сам видел. Он просто подзывал вот такого мелкого, который через двор, сажал перед собой и обещал показать фокус. Точнее, даже не фокус, а обещал показать другой мир. Так и говорил: «Хочешь, я тебе другой мир покажу?». Мелкий, понятно, брыкался типа «Мне домой надо!», но Костик не отставал. Да и его друзья уговаривали чужака не бояться и быть мужиком. Если мелкий продолжал пускать нюни, то Костян его просто «забарывал» и душил, пока у того пена изо рта не начинала идти. Потом отпускал. А иногда, когда Костян был особенно в настроении или под кайфом, он с Таксистом или еще каким-нибудь своим дружком разыгрывали перед малышом сценку: Костян брал Таксиста и не вправду душил его. Секунд через десять отпускал, и Таксист закатывал глаза и вещал о том, как ему в «другом мире» классно. Еще секунд через десять «эффект» проходил, и Таксист типа возвращался в «обычный мир». Малыш всей этой разыгранной чепухе верил и соглашался сгонять в «другой мир». Там же классно. Домой он потом уходил шатаясь и хватая ртом воздух.

Обычно я гуляю со своими. С мелкими. С братьями Струковыми – Саньком и Диманом, с Жириком. Ну и с другими. Со старшими я общаюсь, только если никого во дворе больше нет и никто больше не выйдет. Или когда мы с «Мадридом» воюем, а это редко бывает. Обычно

старшим не до меня. Дружить они со мной не дружат, но и не прогоняют. Мы все тут с одного двора, а значит, все друг другу свои. Так повелось.

Старшими у нас называют тех, кому тринадцать, четырнадцать и пятнадцать лет. Малышами – всех, кому меньше тринадцати, но уже больше десяти. Мне – одиннадцать.

Я зашел домой и спросил маму, почему она так рано позвала меня. На часах было лишь десять утра. Мама сказала, что видела меня с Костиком и Ромой и что нечего мне с ними связываться: наркоманы они. В общем-то, она права. Все у нас знают, что Костян с Ромой колются и нюхают. Хотя никто из нас, малышей, этого не видел. Только старшие. Нас на такие дела не зовут.

– Посиди пока дома. Вот твои дружки выйдут, тогда и пойдешь обратно гулять, – сказала мама.

Я согласился. Дома мне сидеть не хотелось, но и на улице одному все равно нечего делать. Я подошел к окну в своей комнате и стал смотреть, что там происходит и кто появляется.

Костика и других уже не было видно. Наверное, они доиграли ту партию и ушли чинить свои мотоциклы. Они постоянно что-то чинили: собирали, разбирали, заводили.

Костик и Рома жили в первом подъезде на первом этаже моего дома и всегда там, под своими окнами, устраивали мотомастерскую. Мы жили во втором подъезде и прекрасно слышали все тархтения и скрежет их аппаратов. Особенно летом, когда окна широко открыты. Особенно по ночам, когда вся Костикова команда успевала чем-то наколоться и совсем с тормозов слетала: начинали орать, материться и заводить мотоциклы со снятыми глушителями прямо посреди ночи. С ними пытались ругаться все взрослые нашего дома, но толку от этого не было, ведь даже взрослые боялись Костика и его друзей. Взрослые знали не хуже мелких пацанов, что Костян – отморозок и наркоман, и потому боялись. Отец Костяна и Ромы вроде бы сидел в тюрьме. Я в этом не уверен, но мне так рассказывал Санек Струков. Мать у Костяна с Ромой вроде как была проституткой и давно где-то пропадала. Их дед пару лет назад умер, и осталась лишь бабушка. Бабушка у них была хорошая и добрая и потому ничего со своими внуками поделаться не могла. Во дворе ее все уважали и жалели. Ее звали Надежда Ильинична.

Я увидел в окно, как через двор прошли два мелких пацана с длинными палками. Этими палками они наотмашь рубили листья на деревьях. Я их знаю, но, как зовут, не помню. Они – из «Мадрида». «Мадрид» – это соседний двор. Такое у него прозвище. Если наши дома – это буква П, внутри которой деревья, турники и детские домики между четырехэтажками, то «Мадрид» – это огромный угловой дом через дорогу от нас. Там тоже есть свой двор, свои деревья, лавки и детские домики. Двор «Мадрида» меньше нашего двора, потому что большую часть его занимает детская ортопедическая больница: туда постоянно привозят «поломышей» – калек, недоразвитых и переломанных. Частенько мы этих «инвалидов» поддразнивали.

С «Мадридом» у нас война. Постоянная и иногда с синяками и кровью. Там, конечно, живут точно такие же пацаны, как и мы: мелкие и постарше, – но почему-то так пошло, что мы «мадридских» не любили и постоянно с ними дрались. «Мадрид» тоже не зевал и любил отдубасить кого-то из наших. Поэтому и мы к ним, и они к нам по одному не ходили. Хотя бы вдвоем и с палками. А то того и гляди получишь пинка по жопе.

В «Мадриде» наш двор называли «Пиратским». Мы же себя называли «Тринадцатым городком» или просто «Тринадцатым». Других дворов поблизости не было, только одноэтажные частные хибары, куда никто из наших не совал даже носа: там, по слухам, жили бродяги, нищие и прочие чуханы, с которыми даже драться было противно. За «Мадридом» и нашим двором были гаражи, детский сад, футбольное поле и спуск к Уралу. К реке. Туда мы ходили очень часто: и в футбол поиграть, и искупаться.

Другие дворы начинались дальше. В минутах пятнадцати пешком от нас был «Париж», за ним – «Шанхай». Никого из «Парижа» и «Шанхая» я не знал, хотя наши старшие летом туда иногда ходили.

Были и другие важные места. Одно из них – Лётка, или бывшее летное училище. Сейчас, правда, летчиков там уже нет: все это заведение переделали под кадетский корпус, но название Лётка никуда не делось. Лётка – это десяток домов и большой плац для построений. Осенью и зимой по плацу постоянно носились кадеты. Весной и летом плац «зарастал» травой и мусором. Перед главным входом в училище на постаменте стоял истребитель. Худые пацаны с маленькой головой в него могли даже залезть через хвост. У меня это сделать не получилось ни разу: я всегда боялся застрять на полпути.

Лётка вся была огорожена забором, но мы туда знали много ходов. Выгоняли нас оттуда редко. Все кадетские начальники и генералы, думаю, просто смирились, что к ним лазают местные пацаны, и лишь изредка орала на нас и «советовали» убираться с территории «воинской части» подобру-поздорову. Но мы-то знали, что никакая это не воинская часть, а только учебка, и не обращали на эти оры никакого внимания. Просто прятались по кустам, а минут через пять выходили снова играть.

В Лётке рядом с плацем были большое баскетбольное поле и десантная вышка. В баскетбол из наших никто не играл, а вот на вышку мы взбираться любили. Для нас – малышей десяти-одиннадцати лет – она казалась огромной. Метров пятьдесят высотой. Иногда на ней тренировали прыжки с парашютом кадеты: их цепляли с уже раскрытым парашютом за кран, который стоял на самом верхнем уровне вышки, и отпускали. Смотрелось красиво. Но сам бы я так не прыгнул: страшно очень. Вышка состояла из железных балок и деревянных полов-этажей, ее продувал и раскачивал ветер. Она была чем-то похожа на огромный скелет. Особенно вечером. Даже просто взобраться на нее для малышей было подвигом.

С вышки были видны все наши дворы: «Тринадцатый», «Мадрид», кусок «Парижа», гаражи, река Урал. Был даже виден центр города – пешеходная улица Советская. Там, на Советской, была моя школа.

Еще в Лётке мы плавил свинец. Нас с пацанами плавить свинец научили старшие из двора. Это было в прошлом году. Помню, мы, как обычно, перелезли через забор, чтобы «поболтаться» в Лётке, а там уже сидели Рома, Таксист и еще пара их друганов. Они жгли костер. Мы хотели пройти мимо, но Рома заметил нас и позвал.

– Свинец никогда не плавил, щеглы? – спросил он.

Мы помогали головами. Нас было трое: я и братья Струковы – Санек и Диман – самые мои главные друзья.

– Найдите мне консервную банку, – распорядился Рома, и мы пошли на поиски.

Банка нашлась быстро. На плацу Лётки, когда у кадетов не было учебы, всегда валялось много всякого хлама. Мы отдали банку Роме, он загнул ее крышку кольцом и приделал к длинной палке. Получилось что-то похожее на половник. Потом Таксист откуда-то из кустов приволок аккумулятор и бросил его рядом с костром. Мы с Саньком по очереди попробовали его поднять: аккумулятор был очень тяжелый, килограммов на десять.

– Сначала находишь батарею, – начал говорить Рома, – их полно по гаражам валяется.

Рома выкинул сигарету, взялся за аккумулятор, поднял его и с размаху шархнул об асфальт. Корпус аккумулятора треснул, из него полилась темная жидкость.

– Потом батарею надо расхреначить, – продолжил Рома.

Он еще раз поднял аккумулятор и снова шмякнул его о землю. На этот раз от корпуса откололось несколько кусков пластика. Жидкость потекла сильнее.

– Это электролит, – сказал Рома и наступил на жидкость, которая растекалась по асфальту. – Надо подождать, пока вытечет, а то он ядовитый.

После пяти минут таких упражнений с аккумулятором Рома и Таксист сбили с него пластиковый корпус. Внутри были пластины с ячейками. В ячейках было полно засохшего электролита или какой-то другой гадости. Старшие разломали блок аккумулятора на отдельные пластины и начали «выстукивать» из ячеек засохший электролит.

– Давай, Маркуша, присоединяйся, – сказал Рома и передал мне несколько пластин.

Братья Струковы тоже взяли себе по паре и принялись колотить ими по асфальту. Пластины были грязные, и мы испачкали себе все руки. Но это было даже здорово: чем грязнее руки, тем интереснее дело.

Потом Таксист собрал очищенные пластины, разделил их на кучки и засунул одну кучку в консервную банку на палке.

– Это свинец, – Рома ткнул пальцем в пластины. – Теперь нам нужен будет кирпич с выемками. Такой, чтобы с конусами. Метнитесь-ка и найдите, – приказал он нам троим.

Мы вновь пошли рыскать по плацу Лётки. Кирпич тоже нашелся. В нем, как и было нужно, на одной стороне были конусные выемки. Я не знал до той поры, что такое конусы, но Санек Струков сказал, что вот такая форма и есть конусы.

Мы с кирпичом вернулись к старшим. Рома, Таксист и остальные сняли футболки и сели вокруг горящего костра. Рома взял палку-«половник» и сунул банку со свинцом прямо в огонь. Мы со Струковыми расположились рядом на асфальте. Сидеть близко от костра летом было жарко. Мы все вспотели.

– Сейчас разольем, – сказал Рома и раскурил от костра новую сигарету. – Мелкие, у вас сигареты есть? – спросил он, смял пустую пачку «Мальборо» и бросил ее в костер.

Мы с братьями Струковыми помотали головами. В нашем курящем дворе никто из нас, малышей, не курил. Пробовать пробовали, но не курили. И мне, и Струковым дома за курение бы мигом влетело.

Свинец начал плавиться. Я не ожидал, что это будет так быстро. Прошло-то всего минуты три. Металл растекся красивой серебристой жидкостью с отливами по банке, которую Рома вытащил из костра. Он ловко разлил жидкий свинец в конусы кирпича. Кирпич зашипел.

– Пусть подсохнет минут пять, – сказал Рома и засунул в почерневшую банку новую кучку свинцовых пластин.

Вообще Рома был добрее своего отможенного брата Костяна. Он не только курил, пил, ширялся и дрался, но иногда делал что-то интересное. Плавил свинец, например.

Вторая банка со свинцом расплавилась еще быстрее первой. Пот с лица мы вытирали футболками, но никто от костра не отходил, чтобы не пропустить чего-нибудь интересного.

Рома достал банку из костра с жидким свинцом, но понял, что кирпичная форма все еще занята предыдущей плавкой. Он окликнул Таксиста, который только что вернулся из кустов, где был по «отливному» делу, и сказал ему выбить свинец из кирпича. Нам, малышам, Рома этого не доверил.

Таксист взял кирпич и хлопнул им плашмя по асфальту. Свинцовые конусы выпали из кирпича. Сам кирпич раскололся, и маленький кусок от него отлетел прямо Роме в лоб. Рома дернулся, дернулась и его палка с консервной банкой, и весь расплавленный свинец полетел широкой дугой в нашу сторону. Как будто воду выплеснули из чашки. Все случилось так быстро, что я даже не знаю, как мы: я, Струковы и старшие – успели отпрыгнуть от серебряных брызг. Фух, пронесло. Только Таксиста не пронесло. Он был слишком длинный и совсем неуклюжий. Он тоже видел капли свинца, но все, что Таксист успел, это повернуться к этим каплям спиной. Спина была без футболки. Голая и мокрая от пота была спина у Таксиста. И не так много на нее попало свинца: всего несколько крупинок, – но его вопли я буду помнить всю жизнь.

Таксист забегал по плацу Лётки как ошпаренный. Хотя он и был ошпаренный. Что именно он орал, никто из нас не запомнил, но там точно не было ни одного приличного слова. Через секунд тридцать беготни Таксист остановился. В глазах его были слезы, лицо побледнело, а сам он дышал тяжело.

– Да ладно, не ной, – сказал Рома с расстроенным видом.

Рома явно больше жалел о расплесканном напрасно свинце, чем о спине своего друга Таксиста. Он скovyрнул несколько свинцовых капель, которые застыли на асфальте, и закинул их обратно в банку.

– Пойди сюда, Таксист! И хватит орать, в самом деле, – позвал его другой пацан из компании старших – Даня. Нет, по-настоящему звали его не Даня, а Максим, но кличка у него была именно такая. Он был очень толстый, похожий на жабу.

Таксист подошел к Дане и повернулся спиной. Даня поплевал на ладонь и быстро ногтем большого пальца отковырнул от Таксистой спины прилипшие к коже капли свинца. Таксист взвыл еще раз. Места попадания свинца покраснели и вспухли.

– Сука ты, Рома, – горько и негромко сказал Таксист, но Рома услышал.

Он резко развернулся, вытаращился на обожженного друга и с размаху дал ему по плечу палкой с консервной банкой, которую он продолжал держать в руках. Удар вышел сбоку, сильный, так что банка слетела с палки и покатила по плацу. Таксист завопил от боли во второй раз.

– За базаром следи, – сказал ему Рома и отбросил палку. – Я же не специально на тебя плеснул.

Рома расстегнул штаны и отлил в костер. Видимо, после случая с Таксистом настроение плавить свинец у Ромы пропало. Он подобрал готовые свинцовые конусы, кинул один Саньку Струкову, махнул своим дружкам и пошел прочь из Лётки. Таксист потер спину, плечо и почал за Ромой.

Мы же по очереди покрутили выплавленный свинец в руках. Он был очень тяжелый, сверкающий, красивый. Оставшиеся пластины из аккумулятора мы со Струковыми спрятали в ближние кусты и тоже полезли из Лётки обратно во двор. Я думал о Роме и о том, как он отделал Таксиста. Видимо, не такой уж он и добрый. Не добрее своего брата Костяна. Я бы ни за что ни Санька, ни Димана бить палкой не стал бы. Пинка дать можно, но это же в шутку, а палкой – нет.

А свинец мы потом еще много раз плавил. Тем летом это стало одним из самых любимых занятий всех мелких. Просто так жечь костры было уже неинтересно, а свинец в банке – то что надо.

Кто-то из наших сказал, что завтра мы бьемся с «Мадридом». Это значит, что следующим вечером мы стенка на стенку подеремся с пацанами из соседнего двора. Вечер должен быть не очень поздним, чтобы нашим родителям еще не захотелось звать нас домой.

Никто из пацанов не помнит, когда случилась первая битва с «Мадридом». Наверное, с самой постройки наших дворов. Я помню два года войны. Костян говорил, что помнит пять лет. Отец Струковых жил тут с самого детства и тоже воевал с соседним двором. В прошлом году было четыре сражения, и во всех наш «Тринадцатый» победил. Но этим летом все поменялось, и мы уже проигрывали три – ноль.

Воюем с «Мадридом» мы вот как: от нашего двора дерутся все старшие и несколько мелких на выбор Костика и Ромы. Старших у нас во дворе человек десять. Участвовать в битве они должны все. За отговорки у нас чмырят, причем даже старших. Но отговорок и сачков – тех, кто драться с «Мадридом» не хочет, – обычно и не бывает. Старшие все рвутся в бой.

Малышей у нас штук восемнадцать, но на каждую битву отбирают тоже лишь десять. За хорошее поведение, за силу и ловкость. И возраст важен. Так, прошлым летом меня не взяли ни разу: я был десятилетним шкетом, на которого дунуть-плюнуть и пальцем размазать. А в этом году я всегда в постоянном составе, потому что хорошо научился стрелять из рогатки и совсем не боюсь получить по роже от «Мадрида». Ну как... боюсь, конечно, но вида не подаю.

Всего получается двадцать пацанов.

В «Мадриде» живет меньше народа, поэтому выбирать им не приходится. Чтобы подраться с «Тринадцатыми», или с Пиратами, как они нас сами называют, «Мадрид» берет всех. От десяти лет до пятнадцати. И получается тоже около двадцати человек, так что, считай, поровну.

За день до битвы мы все вооружаемся. Малыши обычно крутят шпоночные рогатки из проволоки, старшие натягивают самодельные арбалеты и обклеивают изолентой щиты из картона. Много и другого оружия.

Рогатки к каждой битве мы режем и крутим новые. Сделать хорошую рогатку – это очень важная штука. Сначала надо решить, какую ты хочешь рогатку – каменку или шпонку. Каменка, ясное дело, стреляет камнями, и делать ее сложно. Для каменки надо найти хорошую рогатину на молодой и прочной ветке, спилить ее или отрезать. Ломать ветку нельзя: тогда она пойдет трещинами и может сломаться, если натянуть ее слишком сильно. А если сломается, то так можно и без глаза остаться: жгут «каменной» рогатки бьет очень сильно. Дальше нужно прорезать на каждом пальце рогатки желоб и туда примотать по куску жгута. С хорошим жгутом у пацанов всегда были проблемы. Годился лишь тот, что продавался в аптеке, но стоил он дорого. Редко у кого из малышей такие деньги были. Те пацаны, у которых были машины в семье, таскали жгуты из автомобильных аптечек. Но ни у меня, ни у Струковых машины никогда не было, а значит, и воровать было неоткуда. Некоторые пацаны пытались приделать на рогатку резинку от трусов, но она была слишком мягкая и хорошего выстрела не давала. И наконец для каменки нужен был кусок кожи или дерматина. По обеим сторонам к нему приматывались жгуты, а в сам кусок кожи вкладывался камень, и рогатка была готова к бою.

Однако в войне с «Мадридом» каменки были запрещены. Не знаю, как двум дворам удалось договориться, но пацан, который приходил с каменкой на бой, сразу же выгонялся Костяном. Иногда с пинками. Да, была пара таких случаев среди малышей. Почему? Потому что каменка – это страшная и мощная штука. С близкого расстояния она вышибала мозги. Или глаз. Говорят, был давний случай, когда после одного такого сражения на каменках пацанов развозили на скорой. Теперь никаких каменок.

Рогатки у нас разрешены только шпоночные. Шпонка – это согнутый в букву U или V кусок проволоки или маленький гвоздь. Кладешь шпонку на резинку, натягиваешь и отпускаешь. Если рогатка хорошая и пружинистая, то такая шпонка летела метров на двадцать, иногда пробивала картонный щит и оставляла царапину или синяк, если попадала по месту без одежды. А с близкого расстояния и одежда немного спасала. Шпоночные рогатки мы делали из проволоки. Проволоку можно было найти на свалке.

В поход на свалку за проволокой меня позвал Санек Струков. Это он узнал, что завтра новый раунд «мадридской» войны, и рассказал об этом мне. Его брат-двойняшка Диман валялся дома с ветрянкой и в армию «Тринадцатого городка» на этот раз не вошел.

Струковым лет было так же, как и мне, но оба были повыше и посильней. Их еще в прошлом году пару раз старшаки звали драться против «Мадрида»: такие они были развитые. В прошлом году сражения для Струковых обошлись без травм и синяков. Пронесло. В прошлом году мы и победили всухую. В этом же все пошло по-другому: в последнем бою две недели назад Димана в упор по ногам расстреляли из шпонок, и ему пришлось сдаться, а Санька старшие исключили из битвы. Он перед самым началом случайно наступил в собачье говно, поскользнулся на нем и ушел домой отмываться.

По пути на свалку мы встретили Жирика и взяли его с собой. Жирик – еще один мелкий пацан из наших. Почему все его называли Жириком, никто не знал, но так уж повелось. Жирным Жирик не был. Скорее наоборот, Жирик был тем еще дришом. Кажется, дунешь – и снесет Жирика. Драться с «Мадридом» Жирика никогда не звали. Все старшие были в курсе, что отец у Жирика был ментом. Милиционером. А лишних бед от Жирикова отца никто из

старших пацанов не хотел. Мало ли, может, Жирику кто-то из «Мадрида» засветит, а ты потом перед его папаном робей. Жирик очень хотел драться и всегда переживал, что его не берут. Но ни я, ни Струковы тут ему помочь не могли. Все решали старшие.

– Да ладно, – сказал в этот раз Санек Жирику, когда тот опять начал ныть о том, чтобы мы уговорили старшаков его взять на войну, – ты все равно подходи завтра: может, у нас кто выбудет, и ты заменишь. А если проявишь себя хорошо, то вообще всегда звать будут, и все равно, кто отец у тебя.

Я на это сказал, что лучше все же сначала спросить у старших пацанов, но Жирик от слов Санька уже загорелся и намылился с нами топтать на свалку за проволокой. Прогонять его мы не стали: Жирик – наш друг.

Наша свалка была очень большая. И тут не было ничего, что гнило бы и воняло. Всю эту пищевую парашу увозила машина-мусорка, которая приезжала к нам во двор дважды в день: утром и вечером, – и все местные спешили закинуть туда свои ведра. А на эту свалку выбрасывали только строительный мусор: трубы, куски цемента, какие-то деревяшки. И еще иногда здесь валялись коробки, телевизоры, приемники, другая старая неработающая электроника и всякий остальной хлам. Свалка совсем не пахла свалкой. Скорее, стройкой. Находилась она прямо за нашим двором в сторону Урала.

Я, Санек и Жирик полезли копаться в мусоре. Нам повезло. Мы почти сразу нашли хороший моток проволоки, кусок сетки-рабицы, круглый и тяжелый пылесос, огромное радио без половины кнопок и крутилок и большую картонную коробку. Все это добро мы оттащили от свалки в сторону и принялись вооружаться к завтрашнему дню. Санек сбегал домой и притащил кусачки и изоленту, а я и Жирик скрутили нам троим по рогатке.

Тонкий жгут для шпоночных рогаток у нас остался еще с прошлого раза. Я привязал его к своей рогатке, прижал к нему проволоку и сел резать кусачками шпонки из рабицы. Но дело с ней шло плохо. Металл оказался слишком толстым и прочным, и я выбросил рабицу обратно на свалку. Санек и Жирик за это время расколошматили пылесос, достали из него электрический блок и стали вытаскивать из него сюрикены. Никакие это, ясен пень, были не сюрикены, но именно так мы называли тонкие железные пластинки, похожие на букву Е или Ш, которые закрывали электрический блок в любом приборе, будь то телевизор, радио или вот этот наш пылесос. В каждом блоке таких сюрикенов было штук сто, а внутри располагалась штукovina с магнитом и намотанной вокруг него медной проволокой. Мы разделили сюрикены между собой. Они красиво летали и вполне могли сойти за оружие в завтрашней битве. Если такой сюрикен попадет кому-нибудь по лицу, шрам останется на всю жизнь. К счастью для «Мадрида», сюрикены метали мы плохо, попасть ими в кого-то было почти невозможно, и использовали их мы только затем, чтобы нагнать шухера.

Потом я взялся за рыжую медную проволоку. Она годилась на шпонки. Я нарезал кусачками штук двести маленьких отрезков, согнул их и разделил между Жириком, собой и Саньком. Жирику боезапаса досталось меньше: мы же не знали, будет он вообще драться завтра или его, как обычно, задвинут. Жирик был понятливый и не спорил.

Пришло время проверить рогатки. Мы нашли на свалке несколько бутылок и банок изпод газировки, выставили их в ряд, отошли метров на десять и расстреляли. Санек был самым метким. Каждая вторая шпонка у него попадала в цель. Я был вторым: каждое третье попадание, – а Жирик косил. Он слишком сильно натягивал жгут со шпонкой и слишком резко его отпускал. Шпонка всегда летала выше цели, а рогатка каждый раз гнулась, и ее приходилось выправлять. Мы с Саньком показали Жирику, как надо стрелять, и он стал метче.

Картонную коробку, которую мы тоже взяли с нашей свалки, мы разодрали себе на щиты. Да, щит – это очень важная штука. Если вдруг придется бежать вперед в сам «Мадрид», то нет ничего лучше, чем картонный щит. Без него соберешь на себя все шпонки и стрелы. Если

потрудиться и сделать щит хорошо, то спасет он не только от шпонок, но и от луков и других снарядов, которые обязательно полетят в тебя от «мадридских» пацанов.

К щитам мы приделали изолянтной ручки и несколько раз для пробы выстрелили по ним из рогаток в упор. Шпонки застревали в картоне, но не пробивали его. То что нужно. Жирик тоже смастерил себе щит из остатков коробки.

Пока мы занимались обстрелом щитов, из-за свалки показался Дрон. Дрон – это еще один пацан из двора. Старший. Было ему то ли четырнадцать, то ли пятнадцать. Вообще, у него имя было Андрей, но никто его так не звал. Только Дрон. Дрон был наркоман-одиночка, он ни с кем не дружил, ни с кем не водился, а только слонялся по двору и окрестностям в поисках до кого бы из малышей докопаться. Малыши боялись Дрона даже больше, чем Костяна с его друзьями. Для Костяна мы были свои, а у Дрона своих никогда не было. Дрон был полным дебилом, а значит, совсем ничего его не пугало. Он мог полезть драться с самим Костиком или Ромой, получить по шее, а потом полезть драться снова. Даже Костик смотрел на Дрона осторожно. Костик был просто жестоким бандюком-наркоманом, Дрон же был непредсказуемым торчком.

Дрон был невысоким пацаном, но сильным, с сиплым, прокуренным голосом. У Костяна голос тоже был сиплый, но громкий. Дрон же как будто говорил в себя. Волосы у него были коричневые и длинные. Длиннее, чем у всех остальных пацанов. Когда он начинал говорить, то постоянно вставлял английские словечки из телевизора.

– Хай, мелюзга, – крикнул он нам с Саньком и Жириком из-за свалки. – Чего ковыряетесь?

– Привет, Дрон, – ответил Санек как самый смелый из нас. – Завтра с «Мадридом» воюем.

Дрон подошел поближе. Вид у него был, как обычно, обкуренный, одежда на нем была грязная и потертая. В руке он держал неполную пол-литровую банку с чем-то очень похожим на разведенное водой смородиновое варенье. Мы пригляделись к банке Дрона. Это точно была смородина. А это значит, что Дрон только что ширнулся какой-то дрянью, и его пробило на сладкое. Кто-то мне говорил, что после таких дел очень тянет на сахар. А раз Дрон был под кайфом, значит, с ним лучше не связываться.

– Дай рогатку, – приказал Дрон Саньку и протянул руку.

Санек замялся, но рогатку не дал.

– Сука, дай рогатку, я сказал, – повторил Дрон. – Кам он! – выкрикнул он свою любимую английскую фразу и сплюнул.

Я стоял немного позади Санька, и он оглянулся на меня. Мы оба знали, что есть только два способа отвязаться от Дрона: или, как Костян, вломить ему, чтоб у этого нарика ребра затрещали, или сбежать от него. Дрон, конечно, бегал быстрее нас, когда был необколотый, но сейчас его шатало, и далеко бы он не убежал. Я двинул локтем Жирика. Санек произнес шепотом: «Во двор!», – и мы втопили со свалки. Дрон крикнул вдогонку нам пару матерных слов, но следом не побежал.

– Фух, – сказал Санек.

Даже он боялся Дрона. Хорошо, что сегодня от него удалось убежать.

Во дворе все тоже готовились к завтрашней войне. Я не видел наших главных – Костяна и Рому, – но остальные старшие пацаны только тем и занимались, что выпиливали, выстругивали и обматывали.

Старшаки делали себе арбалеты. Вокруг валялись несколько разломанных стульев, ветки деревьев и гвозди. Самодельный арбалет – очень опасная штука. Стреляет он мощно, картонный щит пробивает как бумагу и оставляет хороший синяк, если попадает по телу. Мне попадало.

Делать арбалет сложно. Из старого стула надо выломать ложе для арбалета – ту часть, которую держат руками, потом проволокой и гвоздями приделать две свежие ветки по бокам

от ложа, а на ветки привязать разрезанный вдоль и сплетенный в косичку ремень. Натягивать такой арбалет приходилось крюком, иначе можно было разодрать пальцы. На стрелы шли шампуры, или оструганные ветки деревьев. Кольцо у шампура надо было отломать, острие – загнуть и намотать на него изоленту для утяжеления и баланса. Все. Арбалет к бою был готов. Арбалеты, хоть и убойно стреляли, часто ломались. Почти к каждой новой битве старшакам их приходилось сколачивать заново.

Мы подошли к старшим и спросили про Жирика: можно ли ему завтра участвовать? Жирик в это время стоял чуть поодаль и переступал с ноги на ногу.

– Нет, – ответил Даня. – Он пинка получит и потом папке на нас нашпочит.

– Ничего не нашпочу, – дрожащим голосом с расстояния крикнул Жирик.

– Не, не надо. Костику не понравится, – сказал Даня и вернулся к своим арбалетным делам.

Мы с Саньком подошли к Жирику. Тот совсем повесил нос, отбросил в сторону щит и сказал, что лучше пойдет домой. Я кивнул. Мне было Жирика жалко, но ни я, ни Санек ничего не могли с этим сделать.

Во двор пришли еще наши пацаны и принесли новое оружие. В руках у них было много-много маленьких целлофановых пакетов, набитых сухим цементом. Это были наши дымовые гранаты. Мы всегда в каждом сражении с «Мадридом» их использовали. Если такую штуку закинуть посильней, то целлофан от удара об асфальт рвался и цемент разлетался облаком пыли на пару метров. Толку от такой бомбочки было мало: она могла разве что вызвать чих у «Мадрида», но взрыв ее выглядел очень красиво, по-военному. Как дымовуха.

Вот и все. Все наше оружие. Арбалеты, рогатки, цементные бомбочки. У Костика и у его брата, мы знали, всегда в карманах было по газовому баллончику на случай, если совсем придется туго. Еще у Костяна была настоящая пневматичка, но в атаку на «Мадрид» он ее не брал.

Наш двор всегда нападал. Пацанов у нас было много, каждому хотелось попасть в следующий боевой состав, и каждый хотел себя проявить. А в обороне себя не проявишь. Только в атаке. Поэтому наши всегда ломались в чужой двор и частенько попадали в «мадридские» засады.

У «Мадрида» во дворе пацанов жило меньше. Бодаться за участие в бою им не приходилось. Все пацаны у них и так уже были в составе. «Мадрид» всегда оборонялся: рассаживался по углам домов, подъездам, гаражам и готовил нам засады.

Шпоночные рогатки у «Мадрида» были, но они из них почти никогда не стреляли. Арбалетов у них совсем не было. Просто и то, и другое лучше именно для нападения. Из арбалета легко пальнуть на бегу. Из рогатки тоже. А «Мадрид» чаще всего пользовался луками. Да, обычными луками. Они хорошо подходили для обороны: засядешь в одном месте и «кидаешь» стрелу за стрелой, пока в кого-нибудь не попадешь.

Чтобы сделать луки, «мадридцы» срывали свежие пруты, обстругивали ножами, гнули их в дугу и натягивали тетиву. Стрелял такой лук метров на тридцать. Хорошо стреляли «мадридские» луки! Стрелы были из прямых веток клена с набалдашником из изоленты на толстом конце. Попади такая стрела кому-нибудь в лоб – с ног собьет точно. Поэтому у нас были щиты.

Время от времени «Мадрид» свои стрелы запаливал. Да, прямо так: «изолентовый» набалдашник поджигался, и стрела запускалась в нашу сторону. В полете она, ясное дело, тухла и лишь чадила, но выглядело все это очень пугающе. Мы боялись горящих стрел и отсиживались за щитами. Хорошо, что разжигать стрелы было долго и «Мадрид» запускал их только в начале сражения. Потом уже было не до того.

С «Мадридом» дрались мы только летом, в каникулы. Никакого расписания боев не было. Все решалось старшими случайно. Встретился Костян во дворе с каким-то «мадридцем», ска-

зали они друг другу пару «матов» и назначили бой. Зашел кто-нибудь из наших в «Мадрид», ему дали пинка, и опять назначили бой.

Завтра будет четвертый раунд этого лета. Предыдущие три мы продули так, что и стыдно вспоминать. Я сказал уже: мы всегда атаковали. «Мадрид» сидел по гаражам и подъездам. И этим летом, помимо своих опасных луков, они научились делать ловушки. В гаражах, в подъездах – везде. Помню, забежали мы втроем в гаражи: двое старшаков и я. Арбалеты и рогатка заряжены, мы наготове. Идем. Крадемся. Тут старший ногой дергает какой-то сучок, и на нас с гаража валится бревно. Одному старшему попало в голову, другой был повыше, и бревно треснуло его прямо в грудь, а я успел отпрыгнуть. Но отскочил я так, что споткнулся и растянул себе голеностоп. Все. Трое подбиты. И таких ловушек у «Мадрида» было полно. Мы постоянно этим летом попадали в них. А «выживших» в гаражах наших пацанов «мадридцы» потом расстреливали из луков и рогаток, а иногда и «добивали» врукопашную. После ловушек в гаражах «Мадрид» оставался в большинстве и поэтому побеждал.

Наш главный – Костян – от поражений бесился, орал диким хрипом на своих, но этим летом вся наша война с «Мадридом» так и была в одни ворота. Мы проигрывали, ушибались и хромали каждый раз, когда после боя возвращались домой.

– Что, Костян, каски, может, наденем? – предложил кто-то из старших, когда мы все собрались обсудить завтрашнюю стратегию. – У меня батя со стройки принесет.

– Каски – не, – ответил Костик. – Осторожней просто надо. Не по трое, а по двое, и еще двое сзади прикрывают. И под ноги смотреть.

– Палки надо взять, – сказал еще кто-то, – идти и перед собой проверять на ловушки.

– Палки, арбалет – рук не хватит, – ответил Рома.

– Малыши пусть первыми в гаражи идут, – сказал Костян. – Их там выкосят, а мы подхватим.

Здорово. Значит, нам теперь идти на «Мадрид» первыми. Отлично. Раньше все было наоборот: старшие резались с «Мадридом» в кровь, а мы были лишь на подхвате. Ну и ладно, главное – «Мадрид» победить.

Пацаны решили атаковать в семь вечера. Дворовые мамы с колясками в это время уже разбредутся по домам, все остальные взрослые выкинут мусор, и двор опустеет. Можно будет затеять войну.

Старшие разошлись, малыши – тоже. И я остался во дворе с Саньком Струковым. Завтра пойдем с ним в атаку вдвоем. Мы запрятали рогатки, шпонки, цементные бомбы в тайники во дворе и собрались по домам.

– Я перед войной всегда сплю плохо, – сказал мне Санек, когда мы стали прощаться.

Я тоже всегда ворочаюсь и тарасусь в потолок ночью перед боем. Страшно это и волнительно – воевать.

На следующий день мы начали войну в семь вечера, как и хотели. Народ во дворе рассосался, а солнце еще светило. Громко свистнул Даня: он был мастер по этому делу и всегда предупреждал всех о начале боя свистом. Мы парами двинулись на «Мадрид».

В «Мадрид» было два входа. Первый – напрямую из нашего двора мимо ортопедической больницы. Второй – в обход через гаражи.

Десять пацанов пошли напрямую. Это было опасно: спрятаться негде, дорога, а в руках только щит и арбалет. Зато тут нет ловушек, и никакое бревно тебе не даст по балде. Еще десять из наших пошли в гаражи. Я и Санек были среди этих гаражных десяти.

Перед самым началом боя я заметил Жирика. Он сидел во дворе на «шахматной» лавке, далеко от места нашего общего сбора. Он ведь надеялся, что его все же позовут, иначе зачем

еще ему там сидеть одному? В руках у Жирика были рогатка и обклеенный для прочности изолентой щит. Жирик был готов. Но Жирика никто не позвал, и он остался сидеть во дворе. Плохо, что Жирик не с нами. Он же не виноват в том, что его отец – мент.

Перед первой группой наших из «Мадрида» выехали два велосипеда с двумя пацанами на каждом: один рулил, другой сидел на багажнике и палил по нашим из рогатки. Велики – это что-то новое. «Мадрид» никогда не высовывался раньше времени. Наши такой атаки не ожидали. Я видел, как Даня схватился за щеку и отбежал назад. Шпонка попала ему прямо в лицо.

Наша гаражная группа остановилась. Мы думали было ломануться на помощь против велосипедистов, но Костян, а он был главным в первой группе, крикнул нам идти в гаражи, а тут они разберутся сами. Пацаны и правда разобрались. Двое из старших разрядили по велосипедистам свои арбалеты. Одна стрела пролетела мимо, но вторая попала прямо в шею стрелка на багажнике. Тот дернулся и свалился с велосипеда. Его водителя тоже мотнуло, он грохнулся вместе со своим великом и завопил от боли. Видимо, прищемил себе ногу. Наши подбежали к подбитым «мадридцам» и пинками вывели их из боя. Два – ноль в нашу пользу по потерям. Начало хорошее. Хотя нет. Даня все-таки выбит. Он сложил руки крестом, а это значит, что из боя он выходит. Его щека кровила, и он поплелся в наш двор. Два – один. Велосипед номер два быстро смотался обратно в «Мадрид».

Мы нырнули в гаражи и разбрелись. Почти сразу на крышах я увидел двух пацанов из «Мадрида». Они натянули луки, мы с Саньком быстро закрылись щитами, но дымные стрелы пролетели мимо. Из-под щитов мы бросили по цементной гранате в сторону «мадридцев» – над крышей гаража поднялась пыль. Пацаны выпустили еще две стрелы в нашу сторону и смотались из поля зрения. На этот раз они попали лучше. Одна стрела помяла мне щит, а вторая заехала Саньку по локтю. Он поморщился, потер уши и сплюнул. Мы медленно пошли вперед.

Гаражи были как лабиринт. Нужно было пройти метров триста, повернуть раз пятнадцать, чтобы выйти к «Мадриду». За первым поворотом раздались хриплый вопль Ромы и стук чего-то глухого о металл. Мы побежали туда. Там наши пацаны спустили двух «мадридцев» сверху и заломили им руки. Счет четыре – один. У Ромы были подпалены волосы. Один из старших колотил луком врага о гараж. Еще один лук, уже сломанный, валялся под ногами.

– Нормально тебя спалили, Ром, – сказал Санек.

Рома посмотрел на него зло.

– Вперед давай топай с Маркушей, а то наших там сейчас расфигачат, – сказал он.

Мы побежали вперед. Мне почудилось за углом чье-то шевеление, мы застыли и натянули рогатки. Но это был кот. Просто серый дворовый кот. Мы двинулись дальше. Ловушек пока не попадалось. За следующим гаражным поворотом притаились два «мадридца». Они выпустили в нас по стреле, но мы с Саньком вовремя спрятались за гараж. Началась перестрелка. Врагов было двое. Два малыша из «Мадрида». Кажется, я даже помню, как их зовут: Петёк и Руль. Руль – это кличка, потому что фамилия у этого пацана была Рулевой. Леха Рулевой. У Руля была старшая сестра. Очень красивая. Когда она проходила через наш двор, даже Костян ничего не кричал матерного ей вдогонку.

Мы высунулись из-за угла, и мимо нас пролетели стрелы. Мы выстрелили из рогаток. Потом еще раз выстрелили. Шпонки застучали по гаражам и ни в кого не попали.

– Так мы можем долго сидеть, – сказал Санек и запустил цементный мешок в сторону противника.

Я сделал то же самое. Санек выглядел очень храбро. Даже казалось, что ему совсем не страшно получить стрелу или шпонку в лоб и он готов биться врукопашную. Я же немного трусил. Сидеть за гаражом и перестреливаться для меня было самое то.

Сзади показались наши старшие. Это значило, что нам с Саньком надо было действовать активнее, иначе мы получим пинка от своих.

– Давай просто со щитами вперед побежим и навалимся, – сказал Санек. – Не успеют они шмальнуть по нам.

Я согласился. Мы еще по разу пальнули из рогаток и ломанулись вперед. А «мадридцы»? Руль и второй пацан задумали сделать то же самое – выбежать и навалиться. Мы треснулись друг с другом лбами на полпути, упали от удара, вскочили и начали друг друга мутузить. Рогатки и щиты полетели в сторону. Санек быстро вывернул за спину руку Рулю, а другой «мадридец» то же самое сделал со мной. Рука заболела так сильно, что у меня выступил пот на лбу.

– Отпусти его, – сказал Санек «мадридцу», который держал меня. – А то я другу твоему клешню откручу.

– Тогда и я твоему откручу, – ответил пацан.

Этого мне не хотелось.

– Вон наши идут. Сейчас вы огребете. Так что отпусти лучше, – сказал я и мотнул головой в ту сторону гаражей, где, наверное, были наши старшаки.

– Вместе отпустите просто, и все, – сказал скрученный Руль. Санек держал его крепко и больно.

– Ладно. На счет три, – ответил «мадридец», посчитал до трех и отпустил мою руку.

Санек сделал то же самое со своим пленным. Руль и Петёк убежали. Мы с Саньком подобрали щиты и рогатки и пошли дальше. Я покрутил рукой, размял ее.

– Спасибо, – сказал я Саньку.

– Да ладно, – ответил он. – А давай на гаражи залезем? Лучше видно будет, да и подстрелим, может быть, кого-нибудь.

Санек подсадил меня, я вытянул его, и так мы влезли на плоскую крышу гаража и огляделись. Наверху никого не было. Кто-то пару раз крикнул из самого «Мадрида». Похоже, что наши были уже там. Санек и я по гаражам поспешили вдогонку.

Гаражи кончились, и мы оказались перед «Мадридом». За деревьями притаились все наши из второй группы. Первая группа сидела за стеной ортопедической больницы и постреливала вглубь «Мадрида».

– Побеждаем, – сказал кто-то из старших, когда я спросил, как дела. – Рома подбил их главного. Коляна Бажова.

Да, у «Мадрида» тоже был главный. Колян Бажов. Очень странный пацан. Ему было пятнадцать. Он не пил, и не курил, и не кололся, как наш Костян. И еще он был умный. Ботан. Все знали, что Бажов отлично учится в школе, книжки читает и постоянно выдумывает какие-то загадочные штуки.

Наши его ненавидели. У нас никто никаких книжек не читал, в школу все ходили только из-под палки родителей, а Костик и Рома вообще со школой были не в ладах. Короче, Бажов был «чужак», и очень странный чужак. Сам он никогда с нами не воевал, а лишь отсиживался у себя в «Мадриде» и командовал своими войсками издалека. Поэтому новость, что Рома подстрелил самого Бажова, была неожиданной и очень хорошей.

– Из арбалета ему в ухо прямо вставил! – понеслись слухи.

– Не в ухо – по плечу попал.

– Лучше б в ухо, чтобы больше не рыпался урод «мадридский».

«Мадрид» выбил у нас трех бойцов: Даню в самом начале, и еще двух малышей накрыло ловушкой в гаражах. Несильно, жить будут, но из боя им пришлось выйти. Все остальные были ссадинами от шпонок и стрел, но здоровы и целы.

Мы же у «Мадрида» подбили семерых: двоих на велосипедах и еще пятерых в гаражах. Что все-таки случилось с Бажовым, подстрелили его или нет, мы так и не поняли, а Рома был далеко и ничего рассказать нам не мог.

План у наших пацанов был таков: бежать в «Мадрид» и решать все врукопашную. Стрелы и шпонки у всех кончились, щиты таскать надоело, поэтому мы побежали. В этот самый момент из «Мадрида» раздался длинный свист, а потом еще один. Два свиста значили, что «Мадрид» сдается. Да, такого давно не бывало. С прошлого года.

Мы остановились, переглянулись и радостно стали хлопать друг друга по спине и рукам. Особенно здорово было то, что «Мадрид» сдался сам и никого добивать не пришлось. В прошлых боях, когда проигрывали мы, у нас никто не свистел. Некому было свистеть. Все двадцать пацанов были побиты и покалечены. Хорошо, что сейчас все закончилось быстрее. На весь бой ушло часа полтора.

Мы сбились в кучу, Рома ткнул всех малышей кулаком в плечо и отправил нас по домам.

– Завтра поговорите, – сказал он и закинул за нижнюю губу насвай – темные шарики из известки и чего-то еще. – Сегодня все. По хатам. Мамы ваши ждут.

Мы с Саньком послушались и пошли домой. Рогатки мы заныкали по дворовым кустам: еще пригодятся. Жирика во дворе уже не было, и начинало темнеть.

– А зачем Рома насвай кидает? – спросил я Санька.

– Ну, это как сигареты. У старших когда сигареты кончаются, то они насвай за губу закидывают и кайфуют.

– А берут они его где? Он дорогой?

– Да на рынке. Я сам видел, где продается, – ответил Санек. – Два рубля за пакетик.

Два рубля – это чуть дороже мороженого. Дешево. Раза в три дешевле любимого всеми старшаками «Мальборо» красного.

Этой ночью я тоже спал плохо: радости было выше крыши. Уделали «Мадрид»! И я «Мадрид» уделал. О том, что меня скрутили и только Санек меня спас, я не думал.

На утро все пацаны вышли гулять пораньше. Я был на улице первым, зашел за Саньком, Жириком, еще за парочкой малышей. Никого из старших видно не было. Наверное, напились, накурились и спали. Только одинокий Дрон сидел на лавке и говорил сам с собой. Я обошел его стороной так, чтобы он меня не заметил.

Санек вынес на улицу мяч, и мы пошли на наше футбольное поле за двором гонять в футбол. Из собравшихся пацанов только Жирик вчера не сражался с «Мадридом», и говорить ему с нами было не о чем. Жирик молчал и просто пинал мяч.

– Надо нам свою войну устроить, – предложил Санек Струков, – чтоб без старших, «Мадрида» и всего этого.

Я понимал, почему он это предложил. Ему тоже было жалко Жирика. Санек, да и я, да и вообще все мелкие понимали, что Жирика воевать с «Мадридом» не возьмут, хоть Жирик и был нормальным пацаном.

– И кто с кем будет? – спросил я. – Да и где?

– Да тут же. Во дворе. Вокруг поля, – ответил Санек и, оглядевшись, добавил: – На Урале можно. Или в Лётке.

– А с кем? – спросил Жирик.

– Ну, между собой поделимся. Так же рогатки, щиты. Как на самом деле. Палки из цикория можно сделать. Только не допинывать друг друга, и все, – ответил Санек.

– Ну можно, – все пацаны почти хором согласились.

Воевать всем очень нравилось. И то, что мы после вчерашнего были живы-здоровы, только увлекло нас еще больше. Всем хотелось подраться еще.

– А Бажов там не помер? Говорят, сильно его подстрелили. Чего он, вообще, полез? Сидел бы в своем укрытии и боялся, как обычно.

– Да не помрет такой. Бажов явно что-то задумывал, но не получилось: стрела прилетела не вовремя.

– С велосипедами он не очень-то придумал, – сказал кто-то из малышей. – Вон их как сразу «выкосили».

Мы погоняли в футбол два на два на одни ворота, а потом вернулись во двор. Там уже все местные проснулись и вылезли на воскресную прогулку. Днем наш двор выглядел очень прилично: деревья, деревянные домики, люди. Вечером появлялся Костик со своими мопедами и наркотой, и всех людей живо сдувало по домам.

В середине июля было очень жарко. Мы через день отправлялись делать заплывы на Урал. Хотя «заплывы» – это уже не то слово. Не получалось в этом году заплывов. Урал сильно обмелел, и почти везде его можно было перейти пешком. Иногда мы с пацанами отходили дальше от пляжей, чтобы найти места, где было поглубже.

Всего неделю назад брат Санька Струкова, Диман, нашел отличный обрыв для ныряний. Он потом слег с ветрянкой, и мы уже без Димана ходили сигать с этого обрыва. Высота – метра три или даже четыре, глубина – не достать. Разбегаешься, отталкиваешься и бомбой плюхаешься в воду. Кто-то зажимал нос, кто-то прыгал так. Некоторые пацаны пробовали нырять «щучкой», с вытянутыми руками и лицом вперед, но я так даже не пытался. У меня обязательно что-то пойдет не «как надо», и я шлепнусь на воду плашмя, отобью себе пузо и поперхнусь водой. Нет, пока только бомбочкой: так надежнее.

Наш «прыгучий» обрыв был в пятнадцати минутах пешкодралом от двора и в ста метрах от главного пляжа. На пляж купаться и загорать ходили семьи с малыми детьми. Нам, пацанам, там было скучно, и мы уходили чуть-чуть дальше, вверх по течению.

В этом году посреди Урала появился остров. Раньше там была только мель, а сейчас остров. Частенько после прыжков с обрыва мы оставляли одежду на берегу и доходили по воде до этого нового острова, чтобы развалиться там и позагорать. Остров был полностью из мелкого песка и очень теплый. Санек говорил, что лежишь как будто на море. Он один из нас всех на этом море был и видел его, поэтому мы ему верили.

– Маркуша! – разнеслось по двору. – Шевели сюда!

Я огляделся. Возле первого подъезда моего дома стоял Даня. Это он звал меня. Я кивнул пацанам, которые после футбола расселись по лавкам в центре двора, и не слишком быстро пошел в сторону Дани. Нельзя было ему дать понять, что я так уж спешу к нему на крик, иначе совсем «зашнырит».

Щека у Дани была заклеена лейкопластырем, и сам он выглядел плохо, как будто стал еще жирнее.

– Чего? – спросил я его, когда подошел.

Даня протянул мне деньги.

– Включи пятаю и сгоняй за водой, а? – сказал он.

«Включи пятаю» значило, что сгонять нужно было быстро.

– Просто воду? – спросил я.

– Дурак, что ли? Просто воду я и из-под крана выпью. «Фанту» купи. Или «Кока-Колу».

Я взял деньги. Терпеть не могу ходить по магазинам для старших. Но тут ничего не сделаешь. Вот года через два сам стану старшим и тоже буду мелочь пацанячью гонять.

– Что с Бажовым после вчера? – спросил я Даню.

– Принесешь воды – расскажу, – ответил он.

Я пошел в магазин. Это было близко. Надо лишь выйти из двора, перейти дорогу, и все. Магазин «Юбилейный». Там несколько отделов: хлебный, сладкий, колбасный и молочный. Я пошел в сладкий. Вся газировка продавалась там. Пацаны говорят, что скоро наш «Юбилейный» снесут и сделают вместо него супермаркет. Вроде как зашел, сам взял, что тебе надо, и

расплатился. Думаю, так будет гораздо удобней, чем сейчас. Гонять от отдела к отделу и постоянно просить продавщиц подать то, что тебе надо, занимало кучу времени.

Я вернулся и отдал Дане двухлитровую бутылку «Фанты».

– Молодец, – ответил Даня и пошел в свой подъезд.

– А с Бажовым что? – вдогонку спросил я.

– Да почему я знаю? – сказал Даня. – Я вот, – он пальцем показал на свой лейкопластырь на щеке, – больной. Ничего не знаю.

Я вернулся к своим пацанам. Те скучали.

– На Урал?

– Пойдем.

Мой вчерашний радостный угар от победы над «Мадридом» еще не прошел, и я чувствовал, что сегодня смогу прыгнуть с обрыва «щучкой». Завтра уже затрушу, а сегодня смогу. Поэтому сегодня надо обязательно попасть на обрыв.

Как раз тогда, когда мы собирались отчалить на реку, во дворе появился пацан. Он был какой-то новый. Раньше мы его в наших краях не видели. Пацан тащил огромный мешок, явно тяжелый, к мусорке. Но утренняя мусорка уехала час назад.

– Эй! – позвал я пацана.

Тот не откликнулся.

– Эй, с парашей! – повторил я.

Пацан повернул голову в нашу сторону, посмотрел на нас, но продолжил топтать в сторону мусорки.

– Поди сюда! – крикнул я.

– Маркуша, хрен с ним, – сказал Санек Струков. – Пойдем на Урал. Ты не Костик, чтоб на чужаков наезжать.

Санек, конечно, был прав. Он, вообще, был поумнее меня, но я уже вошел во вкус, и хотелось с кем-то сцепиться.

Пацан развернулся в нашу сторону, поставил мешок на землю так, чтобы он не упал, и подошел к нам.

– Привет, – он поздоровался.

– Ты откуда вообще? Не видели тебя раньше, – спросил я.

Я надеялся, что мои пацаны меня поддержат в расспросах, но им было все равно. Жирик вообще пошел домой переодеть свои дворовые шорты на плавательные. Только Жирик так делал. Все остальные пацаны купались в Урале прямо так, в чем были одеты. Мы снимали только футболки и обувь.

– Я – Арсен, – ответил пацан. – Мы переехали неделю назад.

Новый пацан говорил странно. По-русски, но странно. Он был не выше и не ниже нас всех. Среднего роста, черные короткие волосы, круглое лицо. На вид лет двенадцать, нетолстый.

– А откуда переехали? – спросил Санек.

– Из Армении.

Раньше иностранцев мы с пацанами не видели: ни из Армении, ни вообще откуда-либо еще.

– А чего переехали-то, к нам тем более? Других мест нет? – спросил я.

Арсен пару раз моргнул, посмотрел на Санька, а потом повернулся ко мне.

– Отец военный у меня. Его перевели сюда. А вас как зовут? – спросил он.

– Никак, – ответил я за всех.

Я старался говорить уверенно, как Костик и Рома, но получалось не очень, наверное потому что Арсен был старше меня.

– Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

– А как ты русский выучил, если ты из Армении?

– У нас все говорят. И раньше мы в Волгограде жили. Пять лет, пока не перевели отца опять.

– А что в мешке тащишь?

– Мусор. Мы ремонт делаем.

– Мусорка уже уехала. Обрато тащи свой мусор.

– Почему?

– По кочану. И вообще, у нас строительное барахло не тут выбрасывают, а на свалку, за домом.

– Туда нести?

– Туда неси. Приехал он тут, блин.

Арсен кивнул. Санек и вернувшийся Жирик в купальных шортах тоже ему кивнули. Я сжимал кулаки: взбесил меня этот Арсен своей тупостью.

Арсен развернулся, подошел к своему мусорному мешку и потащил его на свалку. Я был доволен. Прогнал чувака. Кажется, впервые.

– Вот чего ты до пацана докопался, Маркуша? – спросил меня Санек. – Он издадека приехал, боится тут всех, а ты докопался.

– Пусть боится, – ответил я, и мы все вместе двинули купаться на Урал.

Когда мы вернулись с реки, я снова увидел Арсена. Он говорил с нашими старшими. О чем там шел разговор, было непонятно, но, видимо, старшаки на него наезжали. Наши всегда сначала на всех наезжают, даже на своих, если они пока новенькие у нас. Когда Жирик три года назад переехал в наш двор, ему тоже было несладко. Хотя ему пришлось проще, чем остальным новичкам: у него отец – мент. Как только это выяснилось, от Жирика отстали. Выяснилось приче не от самого Жирика. Он молчал про бату, даже когда его засунули в канализацию и закрыли сверху люк, чтобы он там часок посидел. Не слюнтяй Жирик, хоть иногда и ноет, что его на войну не берут.

Мы подошли поближе к старшим пацанам. Арсен увидел нас и показал на меня пальцем.

– Вот с ним я говорил, – сказал он.

– Маркуша! – подозвал меня Рома. С ним рядом стояли Таксист и еще какой-то старшак. Видеть я его раньше видел, но, как зовут, не помнил.

– Чего?

– Новенького чурку тут «наяривал» поутру, да?

– Чего? – спросил опять я.

– Я не чурка, – сказал Арсен. – Я из Армении.

– Помолчи, тебя еще «нарядим», – сказал Рома.

– Так чего, Маркуша, вырос, что ли? Большим стал на малышей лезть? А то, что сам еще штаны застегнуть не можешь, ничего? – Рома надулся и выдвинул челюсть вперед. Он всегда так делал перед тем, как кого-то ударить.

Я съезился.

– Да я что, – ответил я. – Он парашу не туда нес, ну я и сказал.

– Так и было, – поддержал меня Санек Струков. – Отстань от Маркуши, Ром.

– Ты варежку закрой, щегол, – Рома повернулся к Саньку. – Короче, так. Параша или не параша, по фигу мне. Триста рублей мне принесешь, ясно? А то командир тут, сука, нашелся.

– Почему? У меня нету, – ответил я.

– А раз нету, значит, не лезь не в свое дело. Триста. Как хочешь. Неделя тебе.

Я повесил голову. Денег у меня не было. То, что мне давали родители, десять-двадцать рублей в неделю, шло на карманные расходы: воду купить после футбола или мороженое. Трехсот рублей у меня никогда не было.

– Ром, а пусть подерутся, – сказал старший, имя которого я не помнил. – Твой малыш решил быкануть на новенького чуркана, вот пусть теперь докончит дело.

– Я не чуркан, – сказал Арсен.

– С тобой вообще базара нет сейчас, – сказал безымянный пацан.

– А что? Пусть. Вечером бокс устроим. Вы все участвуете, – распорядился Рома и кивнул мне, Саньку, Жирику и Арсену.

– Какой бокс? – спросил Арсен.

– Просто будь здесь в семь, туземец. Парашная машина уедет, и начнем, – ответил Рома. – Перчатки с вас, малыши. Все, чешите отсюда.

Рома сплюнул под ноги, закурил, махнул рукой друганам и пошел к своему подъезду.

Я думал про триста рублей и не думал про то, что теперь вечером мне надо драться с этим Арсеном. Денег у меня нет, а подраться – это не так уж сложно. Может, Рома забудет?.. Про деньги-то? Хрен он про деньги забудет. Не бывало еще такого.

– Что такое у вас бокс? Я не хочу ни с кем драться, – сказал Арсен.

Говорил он все же странно. Меня это раздражало. Да и вообще, он меня злил. Из-за него я на бабки сел теперь. И ладно б кому! Так нет, Роме, а значит, и Костяну. А я видел, как они с тех пацанов, кто не мог им деньги отдать, эти самые деньги выбивали. Даже со своих. Со своих, правда, редко. Не повезло мне, короче. И, что случилось с Бажовым, Рома теперь мне не расскажет.

– Да пошел ты, – ответил я Арсену и отвернулся.

Санек все объяснил этому Арсену за меня.

– Ну, мы иногда во дворе бокс устраиваем. Четыре раунда по две минуты. Ринг кирпичом рисуем. Перчатки только надо добыть. Мы их из пенопласта делаем. Находим коробку из-под холодильника или чего-нибудь такого, там внутри полно пенопласта, и из него делаем. Под пальцы, главное, выемки сделать, чтобы удобно. Вот.

– Бокс – это классно, правда. Только ногами пинаться нельзя, – добавил Жирик. – Подеретесь для вида, старшие забудут, и все.

– Забудут они, как же! Мне теперь три сотни искать. Все из-за тебя, – я повернулся к Арсену и сказал это так громко, что, кажется, забрызгал его слюной.

– Маркуша, хорош ныть, – сказал Санек. – Ты как Жирик, честное слово.

– Потому что не тебе три сотни искать.

– Ладно. Решим, – закончил беседу Санек. – Меня вон уже зовут домой есть.

И правда, мама Санька уже несколько раз прокричала в окно, что пора бы и пообедать. Мы пошли по домам. Я – в свой подъезд, Санек и Арсен – в свой. Они оказались соседями.

Вечером пацаны вышли гулять часов в шесть. Слух о боксе разошелся по двору, и подтянулось еще человек пять. Я спросил их про Коляна Бажова, как его подстрелили, но никто ничего не знал.

На нашей свалке мы нашли коробки и пенопласт и наделали себе боксерских перчаток. Кто-то любил перчатки поменьше, кто-то побольше. Сила удара от этого была разная. Чем больше перчатка, тем слабее удар, но в маленьких перчатках легко можно было выбить себе руку или палец. Я наломал пенопласта и сделал себе две пары перчаток. Почему две? Иногда они крошились, и надо было их менять. А тот, у кого не было запасных перчаток, проигрывал.

Правила бокса были просты. Раунды, ринг – все как по-настоящему. Деремся до нокдауна или до первой крови. Первая кровь случалась чаще, чем нокдаун. Разодрать жесткой перчаткой губу противника было проще, чем сбить его с ног. Для этого сил даже старшим пацанам еще не хватало.

Участвовали в боксе все. И старшие, и малыши. Старшие дрались со старшими, младшие – с младшими. На выбывание. Если никому ничего не раскровили и с ног не сбили, а время боя закончилось, то победитель выбирался зрителями. Младшие со старшими тоже дрались,

но очень редко. Только если малыш чувствовал себя совсем уверенно против старшака. У нас таким уверенным был один Санек Струков. Хотя он всегда старшим проигрывал.

Мы расчертили ринг на дороге на привычном для этого дела месте. Деревья в нужных местах заслоняли окна домов, и никакой родитель не смог бы разглядеть, чем мы тут занимаемся.

Вышли старшие. Костика не было, но были Рома, Таксист и еще кто-то. Мелких набралось человек десять. Мы распределили перчатки и разбились на первые пары соперников.

Я очень надеялся, что этот Арсен носа сюда не покажет, про меня забудут и денег никаких я Роме не буду платить. Но Арсен вышел. На нем были длинные шорты, футболка и кеды. Вся его одежда была покрыта строительной пылью и пятнами. Он даже не переоделся после своего квартирного ремонта. Хотя зачем ему переодеваться? Все равно я сейчас ему нос разобью, и одежду его придется стирать, как ни крути.

– Маркуша с туземцем первые! – сказал Рома и кинул Арсену по одной две перчатки.

Арсен хотел было ответить свое обычное: «Я не туземец!», – я даже прочел это по его глазам, но в этот момент Санек подтолкнул Арсена в спину, сбил его с мысли, и вслух Арсен ничего не сказал.

– Давай, Маркуша, «нарежь» новенькому, – подбадривали меня малыши и старшие.

Я волновался, но поддержка своих была приятна. Я гордился собой. Главное, действительно «нарезать» новенькому, а то еще проиграю. Этого только не хватало. Арсен был повыше меня. Чуть-чуть, на пару сантиметров, но повыше. Тут главное – подбираться к нему поближе и бить, а то руки у него длиннее: с расстояния он меня размажет, чего доброго.

Мы начали. Арсен отступал, а я махал руками перед его лицом. Пару раз попал ему в руку, один раз в плечо. Арсен сам не бил, а скорее отмахивался. Пацаны со двора болели за меня, и я топил вперед на Арсена. В конце первого раунда я попал ему в лоб: он не успел закрыться. Моя перчатка треснула, и ее пришлось выбросить. В перерыве я взял другую и отдышался. Санек мне успел сказать, что сбить я Арсена не смогу, но кровушку пустить в состоянии. Я собрался и выбежал на второй раунд.

Во втором раунде наш бой для меня и закончился. Видимо, Арсен после моего удара ему в лоб разозлился и треснул меня в челюсть. Удар у него получился сильным: я как раз наступал, открыл лицо и получил. В голове засвистело и замелькало. Я очнулся и пришел в себя, уже когда сидел на задку и опирался руками об асфальт. Нокдаун.

– Эх, Маркуша! – выдохнули старшие. – Дрищ какой, а?! А как получил-то хорошо! В челюсть. Прямым. Вон и кровь пошла.

Я промокнул рот и нос ладонью и посмотрел на нее. Да, кровь. Проигрыш вдвойне. Я встал и посмотрел на Арсена. Тот уже вышел с ринга и снял перчатки. Вид у него был недовольный и растерянный. Малыши все хлопали его по плечам.

– Эй, Артак-партак, – позвал его Рома. – Со мной потом будешь драться, когда малыши отдерутся. Последний бой наш будет.

– Я – Арсен. Так драка же закончилась? – сказал он.

– А у нас до последнего, – ответил кто-то из малышей за Рому.

– Да, надо же узнать чемпиона двора, – добавил еще кто-то.

Я нарвал листьев и вытер кровь из носа. Текло несильно, но нельзя приходить домой с кровью на лице.

– Слушай, ну нормально ты, – ко мне подошел Санек и дружески двинул меня кулаком по спине. – Он просто старше и выше. Будь вы одинаковые, то еще непонятно, кто бы кого. А вообще, удар хороший у Арсена вышел, да.

Как ни странно, от такого утешения Санька мне полегчало. Я, конечно, «провалился» на глазах у всего нашего двора, но Арсен действительно был взрослее меня на год, а это у нас имело значение. Он был почти старший. Да и не позор это. У нас так каждое лето кого-то в

боксе укладывают. Все с разбитыми носами ходили. Даже Санек ходил. Даже Рома и Костян в прошлом году получили пару раз по роже.

А бокс продолжался. Дрались старшие, потом дрались младшие. У младших в финал вышли Санек и Жирик, а у старших – Таксист и еще какой-то пацан. Рома не дрался.

Жирик дрался отчаянно, как в последний раз. Он за три раунда разломал себе четыре перчатки, но Санек его все равно опрокинул. У старших победил Таксист, но только потому, что его соперник расцарапал себе руку о Таксистову цепочку на шее. Пошла кровь, и Таксист победил. Думаю, в следующий раз Таксист наденет пятнадцать цепочек.

У нас остались пять целых, но продавленных и покоцанных перчаток и последний бой. На ринг шагнул Рома и кивнул Арсену. Они оба напялили перчатки и ринулись вперед друг на друга. Точнее, ринулся только Рома: он лупил Арсена что было сил – с размаха, не защищаясь, да так, что от пенопласта отлетали куски. Арсен атаковать не успевал: слишком часто на него сыпались удары. Он закрывался как мог, отступал, то и дело получал по голове и в живот. Рома хоть и был наркоманом, но драться умел.

К третьему раунду и Рома, и Арсен покрылись потом. Рома продолжал лупить, а Арсен продолжал стоять. Выйдя после перерыва на четвертый раунд, Рома крикнул:

– Новые правила: ногами можно.

Почти сразу он пнул Арсена под колено. Арсен такого не ожидал: его нога подогнулась, он сморщился и опустил руки. Рома ударил Арсена в лицо сначала левой рукой, потом правой. Одна из его перчаток треснула, но он успел еще стукнуть дважды, прежде чем Арсен осел на асфальт.

Рома сбросил перчатки, сплюнул и победно вышел с ринга. Потом оглянулся на Арсена и сказал:

– Сказал же: ногами можно. Мы так делаем иногда в четвертом раунде.

Арсен помогал головой. Представляю, как у него там сейчас шумело. Его нос кровоточил, а по щекам текли слезы. Он не плакал и не всхлипывал, но слезы все равно текли.

– Это нечестно. Урод драный, – сказал Арсен и поднялся на ноги.

Рома дернулся было добить, но старшие успели его подхватить и удержать.

– Триста рублей, сука нерусская. До вторника, – крикнул Рома. – И ты, Маркушка, гондон мелкий, – добавил он мне, еще раз сплюнул и дал старшкам утащить себя от ринга.

Все начали расходиться. Меня позвала мама в окно, и я тоже побрел в сторону дома. Арсен подошел ко мне и сказал, что не хотел со мной драться. Я пожал плечами и двинул домой. Хотел или не хотел – что мне от этого теперь.

У мусорки кто-то выбросил разбитое зеркало, оно кусками валялось на земле. Я посмотрелся в него. Да, видок у меня был не очень. Главное, чтобы не вылез синяк. Хотя Арсен выглядел хуже: ему досталось и в глаз, и по уху. Он так же, как и я, оттер листьями кровь и пошагал вместе с Саньком домой.

Триста рублей не находились. Я попросил у мамы на подарок Саньку и Диману на день рождения, и мама дала мне пятьдесят рублей. Еще десять рублей у меня были свои. Шестидесять. Осталось двести сорок. Еще сорок мне дали сами Струковы, которые выпросили их у родителей на мой день рождения. Вот и все деньги. Еще надо было двести рублей.

День рождения у меня скоро. Через три недели. Малыши у нас во дворе дни рождения празднуют так: мы покупаем кучу сладкого и газировки и полдня сидим и едим в беседке в детском саду за нашим двором. Летом в детсаду никого нет, все карапузы на каникулах, и поэтому там торчим мы. Ясное дело, что все входы в детсад закрыты, но мы перелезаем через забор, садимся в беседке, и все. Тишина и покой. Там очень тихо, да. И взрослые сюда не

доберутся. Такое вот у нас, малышей, секретное место для посиделок и игр. Старшаки сюда лезут редко: им уже можно не прятаться и пить свое пиво прямо во дворе. Про пиво, кстати. Как-то раз мы тут пили и пиво. Это Диман Струков предложил. Он сказал, что уже где-то его пробовал и пора бы и нам, мелким, его догонять. Мы догнали. Сами купили в магазине поллитровую бутылку пива и выпили ее. Вкус был противный, но каждый из малышей сказал, что ничего вкуснее в жизни не пробовал.

Я не только о деньгах думал на этой неделе, хотя о них я думал больше всего. Я продолжал гадать про Коляна Бажова. Расспрашивал малышей, но никто так и не знал, сильно его подстрелили или нет. А старшаки со мной не говорили. У них появился новый мотоцикл, и они ночь напролет занимались его испытаниями.

С Бажовым нас роднила одна штука. Ну, как роднила? Не роднила, конечно. Он был из «Мадрида», и дружить я с ним не собирался. Да и я ему был на фиг не нужен. Мы просто учились с Бажовым в одной школе. Все наши пацаны со двора и из «Мадрида» учились в тридцать четвертой школе, а я учился в двадцатой. Тридцать четвертая была в «Париже». Во дворе, который все называли «Париж». Тридцать четвертая была простой школой, уроки в ней все прогуливали, и никто не боялся родительских собраний. Еще бы, ведь двойки и тройки там были у всех. Костян и Рома тоже учились в тридцать четвертой, но появлялись там время от времени. Почему их оттуда до сих пор директор не выгнал, я не знаю. Наверное, боялся, что они его с моста за это сбросят. Да, был у нас как-то один такой случай.

А двадцатая школа была лицеем, школой для ботаников с математическим уклоном и со злыми старыми учителями. В «двадцатке» все было просто: того пацана, который по математике соображал плохо, через какое-то время оттуда выгоняли, и он переходил в тридцать четвертую. Многих из наших малышей родаки сначала отдавали в «двадцатку». Там они сидели по восемь уроков, мучились, получали кол в четверти и в году, и родители их забирали «куда подальше». В «двадцатке» учиться было сложно. Полно «домашки». Но я справлялся: математику я понимал, а «домашку» я списывал.

Колян Бажов тоже учился в «двадцатке». В десятом «А» классе. Я иногда его видел на переменах. Он очень много со всеми общался, но каких-то закадычных друзей у него в школе не было. На переменах он быстро переходил из класса в класс. По коридорам не слонялся, как мы. И еще у него там была подруга – Маша. Она была из параллельного класса. Больше ни я, ни мои одноклассники ни о Бажове, ни о Маше ничего не знали. Жила Маша где-то далеко, я ни разу не видел, чтобы Колян Бажов шел с ней из школы в свой «Мадрид». Хотя часто так выходило, что мы с Бажовым ходили домой вместе. Ну, как вместе... он шел впереди, а я плелся поодаль и рассматривал его спину и рюкзак за плечами. Я видел, как Колян надевал себе на голову наушники, вставлял в плеер кассету и что-то напевал. Я никогда его не догонял, хотя мне и было интересно, что там он слушает в плеере. Вообще Бажов был пацан высокий и очень худой. Еще худее Костяна. И лицо у него такое костлявое и с прыщами на щеках. Ни у кого из наших дворовых малышей и старшаков прыщей не было, и Бажов нам всегда казался большим.

– Сифилис у этого «чуда», – сказал как-то Костян.

Что такое сифилис, никто из нас не знал, но мы все покивали на слова Костяна.

– Надо, вообще, в вашу «двадцатку» завалиться толпой и набуцкать всех, – сказал Рома.

Ясен пень, что никто из наших пацанов в мою и Бажова школу «буцкать» никого не пошел. Это был не наш район, не наш двор, и набуцкали бы там, скорее всего, Рому и всю его банду.

Про Бажова и в моей школе тоже ходили разные слухи. Одним из таких слухов, даже не слухом, а настоящей историей было то, что Колян Бажов, когда учился в седьмом классе, организовал что-то вроде секты. Говорили, что он «заарканил» пару старших из школы и с десяток малышей-пятиклассников и они собирались в канализации рядом со школой. Прямо так, да.

Открывали люк, спускались в канализацию и сидели в ней. Там было сухо и не воняло. Что именно секта Бажова делала в этой канализации, никто толком не знал, а участники молчали. Лишь один мой дружок разболтал, что они там поклонялись богам.

– Каким богам? – спросил я.

– Сету и Митре.

– Это кто? И как поклонялись?

– Этого не могу рассказать, – отвечал мой друган. – Но чтобы попасть к нам, надо принести клятву на ноже и бумаге.

– Да?

– Да. Колян держит нож, на него он натывает бумажку с какими-то словами и поджигает ее. Затем он передает нож новому пацану, и тот должен произнести слова и рукой затушить бумагу до того, как она догорит совсем. А потом эту бумажку надо скомкать, положить ее себе на ладонь и опять поджечь. Бумага должна полностью догореть на ладони, и тогда ты считаешься принятым в секту Сета.

– Не больно?

– Очень больно. Ожог потом оставался о-го-го какой! Меня, знаешь, как за него мама ругала. Но это было испытание. Если боль выдержишь и сожжешь бумагу на руке, значит, пацан ты надежный.

Помню, когда я пересказал эту историю Струковым, они оба фыркнули и произнесли что-то вроде:

– Параша какая! Ну Бажов и паскуда!

А мне стало интересно. Я учился тогда в третьем классе и пытался вступить в эту «бажовскую секту». Даже как-то подошел прямо просить Коляна меня к себе взять, но Бажов отказался и сказал, что я еще слишком маленький и, вообще, из «Пиратского городка» он никого не берет. Боялся, наверное, что наши потом за меня ему настучат между ушей.

А через пару дней после моей просьбы случился взрыв. В той самой канализации, где собирались «бажовцы». Говорят, там накопился какой-то газ, и, когда секта зажгла свои свечи или бумажки, там «хлопнуло». Все участники были целы и выбрались из канализации сами, но на хлопок и дым сбежалось полшколы. Так секта Бажова и перестала собираться. Об их месте узнало слишком много людей, а самому Коляну досталось от завуча и директора. Но все это было давно.

Я вспомнил Коляна Бажова потому, что он мне сегодня повстречался, когда я шел в наш магазин «Юбилейный». Бажов был целый и невредимый, как ни странно. Он вышел из «Юбилейного» и пошел в свой «Мадрид». И еще я увидел Дрона и хотел его обойти. Но он меня уже засек.

– Эй, салага, айда сюда, – крикнул Дрон, и я подошел.

– Купи сигарет, а? – сказал он.

Дрон снова выглядел очень обдолбанным. Но одежда сегодня его была почище, и от него ничем не пахло. Наверное, заходил домой, и там его успели помыть.

– Дай денег – куплю, – ответил я Дрону.

– Да купи на свои, чего ты?

– Нету. Вот мелочь только, – я рукой зачерпнул в кармане шорт мелкие монеты и показал их Дрону на ладони. Бумажная десятка осталась лежать в том же кармане.

– А если обыщу, салага?

– Обыщи, – ответил я.

Я знал, что если уверенно о чем-то сказать, то тебе поверят. Дрон тоже поверил и обыскивать меня не стал. У нас так умел делать каждый малыш. Еще бы! Если будешь сопли жевать, то у тебя так все деньги отберут, причем не отберут, а типа возьмут в долг и пообещают при случае сразу отдать. Но ни разу такого еще не было, чтобы старшие возвращали деньги малы-

шам. А напомним про долг, так старшие разом тебе по рогам дадут за недоверие. Сказал, старший вернет, значит, когда-нибудь вернет, чего тут переспрашивать?!

Поэтому с Дроном я пошел на тот же старый трюк. Санек Струков говорил, что такая вот уверенность называется блеф. Может, и так. Мы с Дроном стояли на улице, вокруг полно народа, и ничего мне тут Дрон точно не сделает. Вон баба Тамара, которая возле магазина продает семечки стаканами, ему сразу за меня такого леща даст, что у Дрона вся его наркота из-за пазухи вылетит.

Дрон вытащил из штанов сто рублей и протянул мне. Я взял. За сто рублей сигарет-то я ему точно куплю.

– Три пачки, бейби. «Мальборо». Красные, – сказал Дрон. – Я во дворе буду, туда принеси. И сдачу. Гоу!

Я кивнул. Все старшаки у нас курили «Мальборо». Обходились эти сигареты им задорого, но они все равно курили только «Мальборо». Ясное дело, каждый из нас видел крутую рекламу с американским ковбоем. Я, даже когда стрелял уток на «Денди», и то представлял себя не охотником, а ковбоем, который просто решил передохнуть от расстрела техасских бандитов и сходить на природу.

У меня появился план. Я куплю Дрону три «Мальборо», но не в «Юбилейном», где они стоят десять рублей тридцать три копейки за пачку, а добегу до сигаретного ларька в паре кварталов отсюда. Там сигареты всегда стоят дешевле. А сэкономленные деньги припрячу себе. Останется найти лишь сто девяносто рублей для Ромы. Я долго не думал и побежал в ларек. «Мальборо» там стоили шесть рублей шестьдесят шесть копеек. Почти двадцать рублей за три пачки. Десять рублей я запрятал себе в карман, потом сходил в «Юбилейный» и купил все, что требовалось для дома.

Дрон сидел на лавке и ковырял перочинным ножом ногти. Ногти у него были кривые и грязные. Хотя у всех пацанов во дворе у нас были такие ногти. На то мы и пацаны.

Я протянул Дрону три пачки и семьдесят рублей сдачи. Тот не глядя все это добро сунул себе в карман и продолжил делать себе маникюр.

– Все, вали, салага. Или ты спасибо ждешь, бейби?

Я выдохнул и пошел от Дрона подальше. Но тот меня окликнул, прежде чем я успел скрыться.

– Эй, шитхед! Айда сюда обратно. Ты меня «обвафлить» захотел? Башку мне приделать? Где еще десятка? Иди сюда, сука, я сказал!

Я огляделся: во дворе никого не было. До двери моего подъезда бежать было недалеко, но Дрон бегал быстро. Хотя, может, он сейчас вообще не в состоянии бегать. Я оглянулся на Дрона. Тот понял, что я хочу дернуть, и встал со скамейки.

И я дернул. Скорее всего, до подъезда я не успею, там еще дверь надо открыть, но, может быть, меня заметит кто-нибудь из взрослых, и Дрону придется свалить. Я бежал быстро, шурша пакетом с хлебом и конфетами, но Дрон все равно меня догнал, причем даже раньше, чем я дотронулся до подъездной двери. Он схватил меня за шкуру и дернул. Я грохнулся на землю и пару раз кувыркнулся.

– Десятка где, сука?

– Пачка стоит десять рублей, Дрон! – ответил я.

– Не гони!

– Да, десять рублей, сам сходи посмотри.

Я встал и начал отряхиваться. Пакет отлетел в сторону, но пока я решил его не подбирать. Дрон толкнул меня еще раз, и я снова упал.

– Не гони, бейби! – заорал он.

Я испугался, что сейчас у Дрона что-нибудь в его наркоманской голове заклинит, и он меня убьет. Нож-то у него был. Он им ногти чистил.

Я встал и во второй раз начал отряхиваться.

– Десять рублей, сука!

Дрон зарядил мне оплеуху, но я увернулся. Он размахнулся еще раз, но тут на плечи ему упал мешок.

Это был Арсен, который снова вышел потаскать строительный мусор. Он увидел меня на земле, подбежал и заехал Дрону этим мешком. Ну, как заехал... мешок-то был тяжелый. Арсен только и смог поднять его и толкнуть на Дрона. Получилось несильно и, скорее всего, небольно, но Дрон присел, а я успел отбежать.

Дрон повернулся к Арсену, еще раз что-то прокричал невнятное и бросился на него. Они покатались по земле, и я увидел, как Дрон просунул руку под голову Арсена и стал сдавливать ему шею. Арсен покраснел.

Я тоже полез в гущу драки, но за спиной кто-то крикнул: «Дрон!», – и мы все трое подняли глаза. У моего подъезда стоял Колян Бажов и тряс спичечным коробком.

Дрона как подменили. Он ослабил хват на шее Арсена, уставился на Бажова и, кажется, никак не мог решить, продолжать ли ему бороться с нами или бежать к Коляну.

– Ну отпусти малышей уже! – крикнул Бажов.

Дрон убрал руку от Арсеновой шеи, матернулся, встал и пошел к Коляну. Тот отдал ему спичечный коробок и что-то сказал. Потом они вместе пошли в сторону «Мадрида». Дрон иногда бывал в «Мадриде», и ему за это ничего от местных пацанов не было. Они знали, что он хоть и из нашего «Тринадцатого», но ни с кем тут не дружит. Хотя и в «Мадриде» он ни с кем не дружил.

Я подумал, что могло быть в спичечном коробке у Коляна, если Дрон так сразу к нему заторопился. Ведь он даже забыл про удар мешком от Арсена и деньги, которые я ему недодал.

Арсен отдышался, и мы помогли друг другу встать.

– Спасибо, – сказал я Арсену.

Он кивнул и медленно отряхнулся. Я осмотрел себя. Пара царапин, отбитый зад и порванный рукав футболки. Ерунда. После боев с «Мадридом» и не такое бывало.

– Ты деньги им заплатишь? – спросил меня Арсен.

– Им? Костику с Ромой?

– Да.

– Ха! Ясный перец! Не отдам три сотни – буду получать от них каждый день. У тебя деньги есть, кстати?

– Я платить не буду. Зачем я буду платить? Мы только приехали. Я ничего не делал.

– Ну... они тебя каждый день рихтовать будут тогда. Костик особенно. Ему деньги нужны. Он их это... на... ну понял, да?

– Тогда я его убью, – сказал Арсен.

Я сначала удивился, а потом засмеялся.

– Они тебя бить, говорю, каждый день будут. Знаешь, как у нас тут бьют чужих? Только зубы летят. Лучше заплатить. Я почти нашел уже деньги, – сказал ему я. Меня почему-то потянуло поговорить.

– Если будут бить, то я их убью, – снова повторил Арсен.

Он еще раз стряхнул с себя пыль, схватил мешок с кусками цемента и каких-то деревяшек и потащил его на свалку.

– Я пойду. Пока, – сказал он мне.

– Помочь, может? – спросил я.

– Нет, я так силу качаю, – ответил Арсен. – Надо много таскать вот так, чтобы как у Рокки сила была.

Арсен ушел. Я повспоминал, кто такой Рокки, сообразил, что это такой фильм про боксера, и сразу забыл о нем. Мне еще деньги надо найти. До вторника всего два дня остается.

Рома и Костян все помнят и опоздания с выплатой денег мне не простят. Сразу в морду или один, или другой треснет, и объясняй потом маме, что это я на футболе упал. Четыре раза. У нас все пацаны и так слишком часто на футболе падали.

Девчонок у нас во дворе было мало. Ну как мало? Они были, но наши ровесницы собирались в свои маленькие кучки и с пацанами совсем не общались. Играли в свои дурацкие дочки-матери, выбивалы и прочую ерунду. А те, кто постарше, или болтались со старшаками, или гуляли с пацанами из школы.

Мелких девчонок у нас было пять или шесть. Старших – двенадцати и тринадцати лет – две. Маша и Лена. Они жили в доме напротив моего, учились в тридцать четвертой школе и были очень красивыми. Так думали все малыши и я. Очень-очень красивыми.

Машке было двенадцать, она была темноволосая и худая. У нее были богатые родители. Мы с пацанами часто видели, как она садилась в «мерседес» и уезжала с родителями на дачу. Или не на дачу. Куда-то уезжала. На «мерседесе». У наших родителей ни у кого «мерседеса» не было, и мы считали Машкину семью очень богатой, а значит, и саму Машку – недружелюбной и «на сложных щах». Просто так снежками в нее не кинешь. И в бадминтон не сыграешь. Из всех нас лишь у Жирика отец ездил на тачке – девяносто девярых «жигулях», но девяносто девятые «жигули» и «мерседес» – машины разные, и поэтому Жирик при Машке тоже стеснялся и заикался.

Ленка была проще. Ей вот только исполнилось тринадцать, семья у нее была как и все наши, и машины у нее не было. Но Машка и Ленка дружили. Они учились в параллельных классах и ходили в школу вместе. Наши пацаны пытались ходить в школу с ними, даже носить их портфели и по-всякому набиться в компанию, но получалось не очень. Машка просто строила хмурую рожу, и у пацанов все желание дружить пропадало. Один лишь Санек Струков умудрялся ходить с Машкой или Ленкой из школы, да и то только тогда, когда девчонки уходили из школы раздельно.

– А я целовался с Машкой, – сказал нам как-то Диман, но никто ему не поверил.

– Да отвечаю! Сегодня. Я с ней со школы шел, а потом ее родяки попросили арбуз купить. Я ей помог донести и поднять. И вот она мне такая: «Спасибо, Дим». А я ей: «А мне мало!». Она: «Что мало?». А я: «Спасибо мне мало». Говорю: «Давай целоваться!». И она огляделась и поцеловала меня. Прямо вот сюда, – Диман ткнул пальцем в свою верхнюю губу.

– Да гонишь ты, Троцкий, – сказал брату Санек. – Сегодня арбузов у нас не стояло.

Арбузов сегодня и правда не было. Их обычно привозил в прицепе мужик на «жигулях» и продавал по рублю за килограмм. Прямо во дворе. Рядом с тем местом, куда приезжала мусорка. Я сам часто гонял к нему за арбузом.

– Да мы за «Юбилейный» аж ходили. Там сегодня машина стоит. Я минут десять тащил этот арбуз. И вот награда!

– Гонишь, гонишь, – повторил Санек.

Мы все покивали. Никто, понятное дело, не поверил Диману, что он, одиннадцатилетний малыш, поцеловал двенадцатилетнюю такую клевою Машку, но сомнения и зависть оставались. Вдруг и правда целовал? Засранец мелкий!

Машка и Ленка нравились всем. Но во дворе гуляли они или вдвоем, или со старшими. Сидели на лавках, смеялись, носились друг за другом. Все малыши лишь поглядывали и пускали слюни...

Я из окна увидел, как к нашему подъезду подъехала соседская машина. Она была с прицепом, доверху набитым арбузами. Железно, это соседи из Соль-Илецка приехали. Соль-Илецк

– это маленький город, который находился где-то недалеко от нашего. В Соль-Илецк в июле и августе все ездили за арбузами. Там их много росло, и все были вкусные.

И я кое-что придумал. Сейчас соседи будут таскать свои арбузы на третий этаж, а я вызовусь им помогать. Глядишь, и дадут за помощь рублей десять. Главное – несильно в помощники напрашиваться, а то станет понятно, что я денег хочу.

Я надел футболку и шорты, влез в кроссовки, крикнул родакам, что пошел гулять, и спустился вниз на улицу.

Соседи как раз начали по одному доставать арбузы из прицепа.

– Дядя Гена, помочь вам?

Сосед, хороший дядька, держал в руках два арбуза и ждал, пока его семья – жена и дочь – откроет ему дверь в подъезд.

– А, Марик. Привет. Подержи-ка дверь. Вот. Спасибо.

Дверь я подержал, и сосед пошел наверх. Когда он снова спустился, я все еще стоял возле его машины и ждал распоряжений.

– Раз ты здесь и дел нет у тебя, то помоги, – сказал сосед и вручил мне арбуз.

Я с радостью его подхватил и пополз на третий этаж. Арбуз был тяжелый. Килограммов на семь.

Так мы по очереди совершили ходок двадцать. Я запыхался подниматься на этажи и весь вспотел – хоть выжимай.

– Вот держи, Марик, – сосед вынул из кармана брюк десятку и протянул мне.

Я поотнекивался, но больше для вида. Десять рублей «пропали» у меня в кармане.

– И арбуз себе возьми, – добавил сосед. – А то мы лопнем есть столько.

Я занес арбуз домой и поменял мокрую футболку на новую сухую.

– Марк, выходи! – раздалось под окнами.

Кто-то звал меня гулять. По голосу – то ли Жирик, то ли Санек Струков. Не разобрать.

Я выглянул в окно. Жирик. Да, Санек никогда в окна мне не кричал, он всегда поднимался и звонил в дверь. А Жирик кричал.

– Пойдем купаться, – сказал Жирик. – Заодно расскажешь, что у вас с Дроном тут за драка была.

Я вышел, и мы пошли на Урал.

– А откуда про Дрона знаешь?

– Мать вас видела. Спросила, что это за мальчик такой большой с вами гуляет.

– Мальчик Дрон, ха! Да он докопался просто. Ну, как обычно, знаешь, Дрон докапывается, – сказал я.

– Знаю.

– Арсен помог.

– Да ладно?! Этот?

– Ага. Нормальный пацан, как оказалось. Интересно, он денег надыбал уже для Костяна? – спросил я сам себя вслух. Жирик пожал плечами.

Мы шли по дороге мимо нашего футбольного поля и детского сада. Поле было справа, а садик – слева. За полем был спуск к Уралу – длинная ржавая лестница с маленькими ступеньками. Зимой, когда ступеньки засыпало снегом, мы катались с нее, как с горки. Очень быстро. Но очень опасно. Лестница была непрямая, с изгибами, метров семьдесят, и если не успеешь вовремя вписаться в ее изгиб, то треснешься о стойки перил так, что больше не встанешь. Скорость была огромная, а стойки – железные. Я трескался. Да впрочем, каждый пацан хоть раз, да трескался боком или спиной о нашу лестницу. Боль такая, что как будто переломались все кости. Просто лежишь и орешь. Подбегают пацаны, пытаются тебя поднять, а ты отбиваешься от них, потому что встать не можешь, и орешь. Минут через пять отпускает. Нет, болей-

то, конечно, болит, но, оказывается, кости не сломаны, и ты можешь стоять. Наши вставали, отряхивались, отхаживались, но в этот день больше не катались.

Летом эту лестницу старшие используют как наказание. Ловят заблудившегося у нас во дворе чужака, забирают у него деньги, сажают на фанеру и сталкивают вниз по ступенькам. Если чужак ловкий, то он успевает схватиться за перила, соскочить с фанеры и не кувырнуться до самого берега Урала. А если – тюфяк, то летит он по всей лестнице, отбивает себе все, что только можно, и уходит в слезах и с синяками. Много у старших есть способов мучить чужаков.

Мы с Жириком прошли мимо футбольного поля. Навстречу нам шли две девчонки. Мы пригляделись. Точно, Машка и Ленка. Похоже, что шли они с Урала. Купались. На них были шорты и кофты, волосы все растрепанные и мокрые.

Вообще, никого из девчонок с нашего двора одних на Урал не отпускали. Но Машка и Ленка иногда сбегали без спросу и разрешения. Пару раз я видел их плескающимися со старшими пацанами. Но сегодня они ходили на Урал одни. Никого из старшаков рядом не было.

– О, Марик и Лешка, – сказали они, когда нас увидели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.